

Издатель

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Научный электронный журнал

Studia Humanitatis Borealis

<https://sthb.petrso.ru>

№ 4(21). Декабрь, 2021

Главный редактор

А. В. Волков

Редакционный совет

К. К. Бегалинова
В. Вамбхейм
В. Н. Захаров
Ю. Корпела
К. Кроо
С. А. Лебедев
Б. В. Марков
А. Л. Топорков
Е. О. Труфанова
Р. Ямагути

Редакционная коллегия

С. В. Волкова
Е. Ю. Ежова
Г. В. Жигунова
А. Ф. Иванов
Л. И. Кабанова
Л. А. Клюкина
Н. И. Мартишина
Ю. А. Петровская
Н. А. Пруель
А. Ю. Тихонова
Л. В. Шиповалова

Службы поддержки

А. Г. Марахтанов
И. И. Куроптева

ISSN 2311-3049

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33. Каб. 410.
E-mail: studhbor@petrso.ru
<https://sthb.petrso.ru>

Содержание № 4. 2021.

ФИЛОСОФИЯ

ВОЛКОВА С. В.	LANGUAGE, COMMUNICATION AND PHILOSOPHY OF EDUCATION	4 - 9
КАБАНОВА Л. И.	ВОЗМОЖНОСТИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ	10 - 13

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

ТОДОРОВА З. А.	НИКОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ДЕРЕВНЕ УНЕЖМА: ИСТОРИЯ И АРХИТЕКТУРА*	14 - 24
ШАРАПЕНКОВА Н. Г., ЯКУШЕВА П. В.	ТВОРЧЕСТВО Л. АНДРЕЕВА И П. ЛАГЕРКВИСТА В КОНТЕКСТЕ ЭКСПРЕССИОНИЗМА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	25 - 31
ВАСИЛЬЕВА С. В., АМЕЛИНА А. Э.	ОБРАЗ «ЧУЖОЙ РОДИНЫ» В ЛИРИКЕ Р. РИЛЬКЕ И М. ЦВЕТАЕВОЙ	32 - 41

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

КОНЕВ И. П., Масленников Д. Н.	РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ОБ ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В АРКТИЧЕСКОЙ КАРЕЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ В ИЮНЕ 2021 ГОДА)	42 - 53
-----------------------------------	---	---------

Хроника научных мероприятий

МАЛЫШКО А. А.	Карелия глазами ученых: основные результаты экспедиционной деятельности - 2021	54 - 55
---------------	---	---------

УДК 37.017.7 + 37.017.922

LANGUAGE, COMMUNICATION AND PHILOSOPHY OF EDUCATION

**ВОЛКОВА
СВЕТЛАНА
ВЛАДИМИРОВНА**

*доктор философских наук,
профессор кафедры философии и культурологии,
Петрозаводский государственный университет,
институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
svetavolkov@yandex.ru*

Ключевые слова:

philosophy of education
theory of communicative action
hermeneutics
language-games
meaning
self-understanding
educational process

Аннотация:

The author argues that understanding crisis phenomena in an education system, as well as conditions of upgrading this system, is connected with development of a philosophy of education focused on such categories as language and communication. The heuristic and productive nature of theory of communicative action and hermeneutics is shown while comprehending the specific nature of learning environment where a pedagogical interaction between a teacher and students is carried out. Taking into account the ideas of J. Habermas, H. G. Gadamer and L. Wittgenstein, it is shown that education is a process of human development if it is organised as a process of searching for and generating meanings by the students. This educational process model corresponding to essential human need for self-understanding and self-expression.

© 2021 Петрозаводский государственный университет

Получена: 26 декабря 2021 года

Опубликована: 26 декабря 2021 года

Introduction. Problem and Purpose

It is common knowledge that school and education as we know them have been institutionalized quite recently, in the 19th century, and the concept of education was developed in the 17th and the 18th centuries by such pedagogues as Jan Amos Komensky, Johann Heinrich Pestalozzi, Johann Friedrich Herbart, etc. The Scientific Revolution of the 17th century also had a great impact on this concept development. This series of breakthrough events strengthened the belief that only scientific minds know the truth or at least the road to it. Within the realm of education, teachers embody scientific minds. They know everything, therefore, they are to enlighten their “ignorant” students and to verify how well the students absorbed the truth. This forms the “subject-object model” of teacher-student interaction, dominated by guidance and control, typical for manufacturing processes, work flows and relations.

However, this model is being criticized now. For instance, Vitaly Slastyonin believes that the current education crisis is caused by the fact that the education system sees students as objects of formative interventions and not as subjects of personal development, self-improvement and reflection [9]. Mass education practices are often based on technocratic principles and scientific logic or “scientific learning”, as Vladimir Bibler put it [2]. This education system does not deny or exclude students, but makes them passive listeners and observers. The leading role is assigned to a teacher who transmits knowledge to students, who in turn can only do their best to absorb and digest as much knowledge as possible. All this leads to situations when students merely acquire and reproduce ready-made knowledge (or “dead” knowledge, in Vladimir Zinchenko’s

terms [11]), while their capacity for creating meanings and values remains quite limited. In this case, education inevitably becomes a guided, restricted and insulated system.

Generally, we agree that crisis developments in modern education can be overcome through establishing and developing specific didactic conditions aimed at teaching students to search for meanings and values, however, we would like to emphasize that creating such conditions requires understanding of modern philosophical tendencies, since philosophy provides a range of fundamental methodological constructs and suppositions for any science, including education science. We believe two key modern philosophical trends to be instrumental for the methodology of humanitarian research, particularly in the field of education: a shift towards communicative rationality and a shift towards language. We shall consider these two trends in more detail in the following passages.

Results and Discussions

The theory of communicative rationality is primarily associated with the works of Jürgen Habermas and Karl-Otto Apel. Habermas' philosophy was drawn on the critical theories of Max Horkheimer and Theodor Adorno, key thinkers of the Frankfurt School. In the late 1940s, they wrote a book *Dialectic of Enlightenment*, which was a rather successful attempt to show how humanity moved from its barbaric state through the process of enlightenment to a new kind of barbarism, where it now remains [7]. But what did Horkheimer and Adorno mean by this?

In prehistoric times, a human would be identical to his or her tribe, which in turn would be identical to nature. Mimesis was a universal principle of relationships between humans or between humans and acts of nature. In other words, people identified themselves with nature, since they depended on it and wanted it to be merciful and protective – it was how people established their belonging and connection to the whole nature. Meanwhile, as human civilization was developing, people started detaching themselves from their natural matriarchal and tribal identity. They also started perceiving the mind as an independent and autonomous tool of establishing supremacy over nature. As a result, mimetic relationships between humans and nature were replaced by an aspiration to conquer and subdue nature – i.e., to take by force what was previously regarded as given by mercy.

Therefore, Adorno and Horkheimer understood enlightenment as the progressivism ideology, based on instrumental mind and aimed at freeing people enslaved by nature. Paradoxically, if not ironically, this narrative of enlightenment led to the crisis in modern society. The problem was that such coercive attitude to nature extended to inner human nature and people's perception of other human beings. Total control, manipulations and suppression of feelings and emotions caused painful distress of the mind. People eventually became neurasthenics, being frustrated with the potential exposure of their own nature and at the same time seeing themselves as omnipotent creatures (which has nothing to do with reality). Treating other human beings merely as objects of manipulation was characteristic of various totalitarian ideologies which gave rise to fascism and other similar regimes. This attitude also shaped such unique modern phenomenon as the 'culture industry', with mass media being one of the main elements of this industry.

Jürgen Habermas followed the critical route taken by Adorno and Horkheimer and identified interpersonal communication as another domain affected by the expansion of instrumental mind. In his philosophical discourse, Habermas introduced the concept of an instrumental action, which he defined as an action performed by a subject to enter the world and achieve set goals through certain means. An instrumental action differs from other types of actions by its purely pragmatic and utilitarian character. In other words, in the case of an instrumental action, subjects choose and evaluate their goals and means of attaining them in terms of maximizing the benefits. When it comes to performing instrumental actions, a rational and reasonable person is an individual who can clearly distinguish his or her benefits. Therefore, Habermas argues that one essential characteristic of our modern life is the fact that people focus their communication on obtaining profits, and use money and power as extralinguistic tools for exerting pressure on each other. This results in communication failures and so-called reluctant consent, which does not count as true consent, since it is not based on shared beliefs. Nowadays, the number of reluctant consent cases tends to grow. From Habermas's point of view, it increases the urgency of finding solutions for such situations and emphasizes the importance of studying the mechanisms of human understanding and mutual understanding.

Habermas sees the way out of this situation not in denying the mind, but in cultivating its communicative capacity. From his point of view, the communicative action concept provides the answer to the question about the conditions for people's mutual understanding, as well as the key to understanding the specifics of social and humanitarian studies.

So, what is a communicative action?

Firstly, a communicative action implies an interaction between at least two subjects aimed at reaching mutual understanding with respect to a certain situation.

Secondly, a communicative action is an action through which subjects lay so-called claims for the recognition of their significance – i.e., they claim that their statements are true (that is, they reflect the objective reality), correct (that is, they are legitimate and acceptable from the social and cultural perspective), and genuine (that is, they express subjects' sincere intentions).

Thirdly, a communicative action is an action which leaves the above-mentioned claims open for discussion – i.e., creates an opportunity to justify or criticize these claims using rational arguments.

Finally, a communicative action is an interaction between the subjects, who justify or criticize the claims for the recognition of significance using the lifeworld structures – a set of intersubjectively recognized values, traditions, interpretation methods, and all other things which help to prevent the risk of disagreement and form a common context for mutual understanding [5].

To sum everything up, generally, a communicative action is distinguished by its inherent rationality, which is understood as argumentation practice. Only by following this practice subjects can for the first time meet the conditions for reaching mutual understanding about something with other communication process participants.

As has already been said, another specific characteristic of modern philosophy and culture is its so-called shift towards language. In fact, since the ancient times, philosophy has not made any distinction between the act of cognition and the act of denomination. In Apel's terms, philosophy has been governed by the 'instrumental concept of language', which interprets language as a tool for expressing and representing thoughts [1: 237-253]. Indeed, by proclaiming Aristotle's question "What is Being?" (meaning a 'substance') to be truly philosophical, ancient philosophy said – also in the words of Aristotle – that 'the essence of being exists only for those things which are given definitions', and to give a definition means to distinguish one species from all others by *genus proximum* and *differentia specifica*. One who knows the definitions, knows the meanings of things – this statement has become the leitmotif of ancient Greek, medieval and modern European thought. From this statement it follows that if we know the definitions, we can overcome such annoying language barrier as homonymy, thereby establishing an intimate and indissoluble bond between a specific name of a thing and the essence of this thing. It means that contemplation prevails over language, turning it into a controllable tool or transparent environment.

At the same time, it should be noted that this instrumentalist interpretation of language results from a specific theoretical human approach to the surrounding world, while modern philosophical perceptions of language are driven by moving from theoretical to pragmatic worldview. This shift can be vividly illustrated by hermeneutic and analytic philosophy. In his book *Being and Time*, Martin Heidegger develops an idea that human theoretical worldview (or detached contemplation of the surrounding world) is not initial or primary in nature, since the initial state of human being is 'Being-in-the-world', and all the things that surround people are used by them as practical tools rather than the objects of passive contemplation or observation. This brings Heidegger to a conclusion that theoretical attitude of consciousness is secondary, driven by what he called anxiety and pragmatism. The same anxious and pragmatist approach to the use of language determines its function. Heidegger illustrates his idea with a vivid example: when we say "the hammer is heavy", we explain that "this hammer is too heavy for the job" and that we want to get another hammer, rather than use this phrase as a theoretical definition, asserting that the hammer has the "objective property of weighing" [6: 20].

Heidegger's thoughts gave rise to Hans-Georg Gadamer's hermeneutical ideas on the language environment of understanding. According to Gadamer, a person as a subject of understanding or perception belongs to a particular social, cultural and historical tradition which actively influence the character of human cognition. Indeed, language is one of the main tools for establishing and transferring social and cultural norms and traditions, and as such it marks the borders and horizons of human mind. As a rule, however, the impact of society and culture on cognition remains latent, since we use language spontaneously and instinctively. Gadamer argued that any act of understanding is based on prejudice or pre-judgment. He believed any presuppositions specified and transmitted by language to be 'beyond' and 'prior' to the rationality of discursive cognition [4: 317]. Therefore, hermeneutical consciousness should, from the outset, be sensitive to the foreignness of the 'Other', but it will be able to reveal this foreignness only after it becomes aware of its own pre-judgmental nature.

Provisions of hermeneutic philosophy are similar to Ludwig Wittgenstein's analytic stance towards philosophy. This Austrian philosopher stated that our routine use of language is naturally connected with a comprehensive system of human activities, and all the meanings of the words used by people depend on the social and cultural activity within which they are used. The same word, being a part of different social and

cultural contexts, is accompanied by different mental representations. Thus, Wittgenstein concluded that the meaning of a word is its use, and introduced the concept of 'language-games' to explain the unity of language and the social and cultural contexts in which language is used. According to Wittgenstein, language-games regulate our thinking, because mental representations which go along with every spoken word directly depend on a particular social and cultural context within which the word is spoken [10: 83].

In general, it can be said that one of the main consequences of modern philosophy's shift towards language and communicative rationality was the spread of pluralism and dialogism principles in modern culture.

Arts and humanities researchers have long stated that the modern world is governed by pluralism, defined as a diversity of languages, cultures and the ways of thinking. During the second half of the 20th century, this statement was also extended to natural sciences. For instance, Elena Mamchur, a science philosopher at the Russian Academy of Sciences, even modern physics, despite being quite indifferent to any mindset changes, tends to move from the idea of uniformity to the idea of diversity. Many experts say that the ontology of modern physics is a multitude of models, hierarchically-structured but not unified, rather than a set of uniform properties and rules, constantly identified and studied by classical physics [8]. Moreover, scientific concepts and terms, just as common words and expressions, obtain and change their meanings according to specific contexts, which are determined by the rules, norms and traditions of a particular scientific discipline or research team. And since these norms, traditions and the usage rules are inseparable from the meanings behind these concepts, and the traditions themselves are heterogeneous to some extent, the uniform understanding of certain meanings is achieved through debates, disputes and discussions.

The same can be said about modern culture being oriented towards dialogue. This orientation can be traced both in humanities and natural sciences. With reference to literary studies, Mikhail Bakhtin, one of the founders of the philosophy of dialogism, wrote that a text is not an object, it is a fluctuating field of meanings, which emerges from the author-reader collision. Therefore, the text includes not only the elements intentionally created by the author, but also the elements added by the reader during his or her dialogue with the author. In the field of natural science, synergetics is an illustrative example of such dialogist approach. Ilya Prigogine, considered one of the founders of complexity science, in his landmark book *Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature*, argued that the reality which surrounds us is a self-organizing system, capable of self-construction and self-structuring. So, it is important for subjects of cognition to take into account the tendencies of this system development in order to act accordingly and produce resonance effects. Therefore, synergetic principles enable to interpret the process of cognition from the dialogism perspective – they require researchers to provide a path for the studied system self-development, consistent with both its nature and the type of research.

Conclusion

Summing everything up, we can say that the shift of modern philosophy towards communicative rationality and language is critical for understanding the methodology of humanities in general and education science in particular. As you know, natural sciences use the observation method, when researchers do their best to minimize or eliminate their influence on the studied object or process. We can say that natural science cognition follows the pattern of detached external examination, while social scientists and other humanity scholars deal with people who speak certain languages and actively engage in communication, therefore, these researchers cannot use the same patterns and methods. For example, as impartial observers humanity scholars can describe, explain or even predict the sound or noise that will correspond with the acoustic form of some pronounced phrase, but in order to grasp the meaning of this phrase they will have to participate (in real life or virtually) in the same communication process, where this phrase was or is used. That said, in order to clarify the meaning of a given expression social and humanity researchers first need to reconstruct the rational grounds for the communication agent to use this expression, which he or she could use as arguments for proving a particular point, if necessary. Moreover, researchers can understand this rationalization only if they take it seriously – that is after evaluating its validity. All this leads us to a conclusion that in social sciences and humanities cognition is based on real life communication experience, while researchers themselves become active communication agents, and this performative position is one of the most distinguishing aspects of academic disciplines that study human society.

Let us elaborate on these points by saying that one of the specific features of communicative action is its inherent rationality, therefore, one of the key indicators of education efficiency will be establishing conditions for the comprehensive perception of knowledge, for discussions and joint validation of arguments, as well as for the comparison and contrast of different views and hypotheses. Such education process which implies deep understanding of other people's ideas and requires critical approach to both your own and others' assumptions

can be organized through dialogue. Researchers say that students get genuinely involved into work only if they understand the learning tasks and accept them – i.e. find them somehow corresponding to their inner feelings and emotions, serving in this case as certain ‘reference points’ (in Sergei Rubinstein’s terms). Finding such inner ‘reference points’, in its turn, is determined by a choice of problems which cannot be solved with only one solutions or only one correct answer. Solving such problems requires different conceptual positions, each of them being a specific descriptive or explanatory construct, which serves as a sense-generating focal point, but does not provide you with a complete ready-made picture. This is the only way to create a common space for an effective student-teacher dialogue, which ensures their communication and mutual understanding through co-existence. Such space is highly productive by its nature: it provides platform for continuous movement, development and communication of thoughts, which are not reduced to what we already know and comprehend, but are constantly measured against our personal experience, thus making it more deep and profound. It is important to note that a dialogue usually does not bring any preliminary results. Within a dialogue, both a student and a teacher are engaged into joint creative activities, which to some extent lead to the ‘expansion of self’[3].

However, the reality is that in educational institutions (a school or a university) strategic actions are often substituted for communicative actions, when teachers use their authority as an extralinguistic tool of exerting pressure on students. This results in communication failures and reluctant consent among communication participants, which does not count as true consent, since it is not based on shared beliefs and values. A dialogue, on the contrary, is a process of teacher-student interaction, which helps them both reveal a ‘person within a person’ to themselves and other people. Transcendental or a priori conditions or presuppositions of discourse, as Habermas’ colleague Karl-Otto Apel called them, could be useful for establishing such a dialogue. These presuppositions establish the argumentation rules which on the one hand cannot be substantiated through deduction, and on the other hand cannot be denied, because without them communicative actions will become pointless. Habermas lists the following rules as the examples of such presuppositions: “Every subject with the competence to speak and act is allowed to take part in a discourse; everyone is allowed to question any assertion whatever; everyone is allowed to introduce any assertion whatever into the discourse; everyone is allowed to express his attitudes, desires, and needs” [5]. It should be emphasized once again that such rules are those a priori provisions for communication that are to be accepted by any subject before entering a discussion. Any attempt to challenge or question these presuppositions leads the subject to a ‘performative contradiction’ – i.e., to the contradiction between semantic and pragmatic components of the speech act. Indeed, if an agent (e.g., a teacher) questions the presupposition that everyone is allowed to problematize any assertion whatever, it will lead to self-contradiction, because casting doubt on this presupposition means getting involved in problematization in accordance with this very presupposition. Similarly, a person who challenges the rule that allows everyone to introduce any assertion into the discourse contradicts himself or herself, because challenging this rule is an act of assertion, which means obeying the challenged rule.

Thus, since argumentation rules are necessarily significant for every communication participant, including those who criticize them, they bring us back to the principle of equality of all the dialogue participants formulated above – above all, equality between a teacher and a student. Here we are not talking about the equality based on knowledge, experience, etc., but about the fact that all people have the right to explore the surrounding world, the right to cherish their own inner world and make statements based on it.

In this regard, it will be important to mention one more thing. If rationality inherent in communication implies the existence of certain transcendental rules, which should be obeyed by the subject to achieve mutual understanding with other communication participants for the first time, then by following these rules the subject accepts the existence of the community affected by these rules. In addition, any statement made by the subject of a communicative action may be criticized not only by those who already constitute a part of the community, but also by those who may join it in the future. In this regard, the subject of a communicative action should perceive and comprehend him- or herself as a member of the real and, at the same time, ideal community, which is inherently unlimited. Being applied to education, it means that the teacher organizes and monitors the reflection by the students of their own understanding meanings among other understandings. When students are apprehending their own understanding of meanings among other understandings, they simultaneously thematize their position as it is, see it ‘from the side’, when other people articulate their attitudes to it, and, finally, observe other positions and reflect on them. Developing a reflexive position is characterized by shifting from the point of understanding one’s own meanings to understanding other interpretations of meaning and refining one’s understanding of meaning, among other understandings. We believe that the experience of reflexive positioning can become the foundation for improving oneself as the subject of search and understanding of meaning. In order to increase the chances of this happening, the students need to organize

their own reflection on their position of understanding among the others.

Finally, let us discuss one more issue. Both hermeneutics and the theory of communicative rationality emphasize that language is not just a means for expressing thoughts, but the environment which reflects the life of the nation, as well as the specific features of its culture and outlook. At the same time, since people use their native languages automatically, the cultural and historical traditions sedimented in the language implicitly affect human mind, which can create certain difficulties in understanding the Other. The point is that one should be aware of the danger of seeing and hearing only oneself and what is prompted to be seen and heard by one's experience. In this regard, personality development becomes crucial as part of educational practice aimed at developing sensitivity to the pre-judgmental nature of language.

REFERENCES

1. Apel K.-O. Towards a Transformation of Philosophy. Moscow, 2001. 344 p. (In Russ.)
2. Bibler V. S. Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: dva filosofskih vvedeniya v dvadcat' pervyj vek. M., 1991.
3. Buyakas T. M. Lichnostnoe razvitie v usloviyah raboty samoponimaniya, oposredovannoj simvolami // Voprosy psihologii. 2000. № 1. S. 96–108.
4. Gadamer H. G. Truth and Method. Moscow, 1988. 704 p. (In Russ.)
5. Habermas J. Moral Consciousness and Communicative Action. Saint Petersburg, 2001. 382 p. (In Russ.)
6. Hajdegger M. Raboty i razmyshleniya raznyh let. Moskva, 1993. 464 s.
7. Horkheimer M., Adorno T. Dialectic of Enlightenment. Moscow; Saint Petersburg, 1997. 312 p. (In Russ.)
8. Mamchur E. A. Obrazy nauki v sovremennoj kul'ture. Moskva, 2003. 400 s.
9. Slastenin V. A. Antropologicheskij podhod v pedagogicheskom obrazovanii // Narodnoe obrazovanie. 1994. № 9-10. S. 124-126.
10. Wittgenstein L. Philosophical Investigations. Moscow, 1994. 612 p. (In Russ.)
11. Zinchenko V. P. Zhivoe znanie. Samara, 1998. 216 s.

LANGUAGE, COMMUNICATION AND PHILOSOPHY OF EDUCATION

**VOLKOVA
SVETLANA**

*Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation,
svetavolkov@yandex.ru*

Keywords:

philosophy of education
theory of communicative action
hermeneutics
language-games
meaning
self-understanding
educational process.

Summary:

The author argues that understanding crisis phenomena in an education system, as well as conditions of upgrading this system, is connected with development of a philosophy of education focused on such categories as language and communication. The heuristic and productive nature of theory of communicative action and hermeneutics is shown while comprehending the specific nature of learning environment where a pedagogical interaction between a teacher and students is carried out. Taking into account the ideas of J. Habermas, H. G. Gadamer and L. Wittgenstein, it is shown that education is a process of human development if it is organised as a process of searching for and generating meanings by the students. This educational process model corresponding to essential human need for self-understanding and self-expression.

УДК (091)130.2

ВОЗМОЖНОСТИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

**КАБАНОВА
ЛИЛИЯ
ИВАНОВНА**

*доктор философских наук,
профессор кафедры философии и культурологии,
Петрозаводский государственный университет,
институт истории, политических и социальных наук,
Петрозаводск, Российская Федерация,
lila31@yandex.ru*

Ключевые слова:

психология
экзистенциальная философия
сознание
психика

Аннотация:

В области психологии существует много различных направлений, методик, подходов. Все они активно себя репрезентируют как в профессиональной, так и в публичной сфере, что, безусловно, очень неплохо, но следует задуматься о внутреннем содержании масс-психологического контента. Психология спрашивает о процессах, об изменениях в психическом, но не о том, что такое психическое и, главное, – не задается вопросом о сознательном. Данным вопросом задается экзистенциально ориентированная философия, использование которой в психологической практике видится значимым и необходимым.

© 2021 Петрозаводский государственный университет

Получена: 26 декабря 2021 года

Опубликована: 26 декабря 2021 года

Представленный текст является репликой на тему возможностей взаимодействия философии и психологии в психологической практике. Профессиональное занятие философией в академической среде на протяжении более чем 20 лет и использование экзистенциально ориентированной философии в психологической практике автора показало эффективность подобного взаимодействия. Некоторые самые общие выводы об особенностях и возможностях такого союза, представленные в статье, возникли в процессе работы в формате экзистенциальной группы на протяжении нескольких лет.

Тема взаимодействия психологии и философии актуальна с точки зрения возможностей оказания качественной психологической помощи, а также в опыте различных практик по саморазвитию и самопознанию. Исторически эти области знания находятся в некотором конкурирующем положении уже хотя бы потому, что психология возникла из философии. Учение о душе, теоретически осмысленное Аристотелем, должно было стать «путеводителем» к счастливой жизни. Однако, однажды наметившийся разрыв между теорией и практикой или между философией и психологией усугублял двусмысленную ситуацию, методологическую и эпистемологическую. Причина кроется в том, что на самый общий вопрос о том, что является предметом изучения психологии, мы с трудом можем найти ответ. Трудность в отношении предмета научного интереса психологии привела к тому, что таковым одновременно выступает «всё и сразу» – психика, душа, поведение и т. д.

Небесполезно в связи с возникшим вопросом напомнить факты из истории развития психологии как науки. Возрождение интереса к психологии происходит в эпоху Нового времени. Коренной особенностью этого периода стала сциентификация культурного пространства и разработка научных методов. Проявившие интерес к области психических процессов философы, такие, например, как Локк или Юм, проводили параллель между методами психологическими и естественнонаучными. В Новое

время была обозначена связь психологии с естествознанием и физиологией. Установление предметности (объективации) в качестве собственной темы науки в психологии установило понятие фактичности души, а значит и ее «исчисляемости». Человек стал восприниматься как исчисляющий и исчисляемый субъект, погруженный в каузальную последовательность и причинность. Психология классического периода стремилась «просчитать» человека, следуя правилу научного метода. На этой основе вырос весь корпус современной поведенческой психологии.

Установка на биолого-детерминистские основания психического отчетливо проявилась, например, в бихевиоризме. Джон Уотсон, ведущий представитель этого направления, в работе «Психология как наука о поведении» прямо говорит: «состояния сознания, подобно так называемым явлениям спиритизма, не носят объективно доказуемого характера, а потому они никогда не смогут стать предметом истинно научного исследования» [3: 259]. Далее Уотсон уточняет, что сознание с его структурными единицами (элементарными ощущениями), чувственными тонами и их процессами, а именно – вниманием, восприятием, представлением – все это одни лишь «неопределенные выражения» [3: 262]. «Термины сознания», по мысли Уотсона, не поддаются исследованию с точки зрения объективных научных методов, тогда как поступки и слова людей, любой вид человеческой деятельности, особенно если поставить человека в какую-то «ситуацию», вполне могут быть изучены и объяснены с точки зрения принципа «стимул-реакция». Что же до интроспекции и интроспективного метода в психологии (созерцание того, что происходит в собственном «я» исследователя), то это вообще, следуя логике и высказываниям Уотсона, является препятствием для развития психологии.

Лишь к 20-му столетию наметился радикальный скепсис относительно притязаний психологии объяснять факты духовной жизни. Как заметил уже Дильтей, отличие наук о духе от наук о природе в том и заключается, что первые вызывают к пониманию, тогда как вторые призваны объяснять. Экспериментальная психология пытается выстраивать свой метод по аналогии с точными науками, отыскивая каузальную связь между отдельными элементами, тогда как должна была бы в случае с психологией сосредоточиться на каузальности мотивации. Описание как способ фиксации значимых переживаний ляжет впоследствии в основание экзистенциального и феноменологического подхода. «Под описательной психологией, пишет Дильтей, я разумею изображение единообразно проявляющихся во всякой развитой человеческой душевной жизни составных частей и связей, объединяющихся в одну единую связь, которая не примышляется и не выводится, а переживается» [1]. В последующем эти идеи воплотились в феноменологической философии.

Основная заслуга в повороте психологии в сторону сознания принадлежит Эдмунду Гуссерлю, основателю феноменологического метода. На основании критицизма в отношении предшествующей традиции, он создает проект феноменологической психологии. В основе своей она строится на интроспективном подходе и опыте «распаковывания» данных (интенций) сознания. Гуссерль заявляет о том, что вся психология, находящаяся в неясности относительно своей собственной темы, предмета и цели, лишена онтологических оснований. В рамках разработанного им варианта феноменологической психологии совершается неординарный шаг: весь реальный мир, который в естественном существовании обладает постоянной бытийной значимостью, тематически исключается как внепсихическое бытие. Эта психология стремится оставаться незаинтересованным наблюдателем жизни сознания, хочет освободиться от всех точек зрения, которые в естественно-практической жизни сознания играют ведущую роль; устанавливает, наконец, возможность переключения установки человека из обыденной установки в сущностную. Тем самым выявляются возможности психологии как философской науки о первоначалах.

Важнейшим следствием развития феноменологии в 20 столетии стал пристальный интерес к бытию человека и его экзистенциальным состояниям. Экзистенциальный подход исходит из категории смысла, то есть постоянно удерживает в фокусе внимания не психику, а сознание с присущей ему (сознанию) аксиоматической обеспокоенностью человека.

Человек – это, безусловно, проект, и прав был Сартр, однако это такой проект, реализация которого немислима без привнесения этической (смысловой) составляющей. Экзистенциальная философия сформировала специфическое понимание душевной деятельности как сферы реализации неких аксиоматических понятий (состояний) в практической жизни человека. Может ли являться психика аксиоматической единицей? Даже небольшой экскурс в историю психологии показал, что это невозможно. Прекрасно резюмирует Пятигорский: «Что такое “этос” <...>. Это такой образ индивидуального и социального, точнее социального и индивидуального поведения, который уже или всегда осознан. Таким образом, это не только само поведение в его речевых мыслительных и действенных физических презентаций, но и способ его осознания» [3]. Способ осознания поведения, а

не само поведение, можно полагать в качестве основы формирования аксиоматических понятий.

Важно подчеркнуть: «этос» как аксиоматическая единица привнесена исключительно философским умозрением. Категория «этоса» определяется как осознание поведения, мышления и языка человека или коллектива ими самими, это не только образ действия, но и образ осознания этого действия. Это тот внутренний наблюдатель, который помогает удерживать свой «этологический ранг», определяемый уровнем рефлексии, сознания. Для нас существенно отметить, что данная установка, характеризующая феноменологический подход, сохраняется в экзистенциальном анализе. Когда Хайдеггер скажет о том, что общепринятые в психологии «капсулоподобные» [4] представления о психике, субъекте, личности должны уступить место пониманию человека как Dasein, начала разворачиваться впечатляющая история экзистенциальной аналитики, на основании которой возникли все известные сегодня имена и техники в области экзистенциального анализа. Несмотря на «авторские» различия, экзистенциальная философия и возникающая внутри этой философии практика экзистенциального анализа может быть осмыслена как установка, подход к человеку, а не школа или группа, и это не есть набор психологических техник, хотя может служить для них прекрасной основой. В экзистенциальной философии была выявлена определяющая тенденция, приведшая к необходимости опоры на опыт внутренних переживаний (сознательные акты). Внутри сознательно продуцируемого акта могут распаковываться многочисленные психологические переживания, но только уже не на языке психики, а на языке сознания. Подобное распаковывание, тем не менее, становится возможным лишь в опоре на определенную установку. И эта установка не может быть естественной или психологической, ибо она не обеспокоена проблемой сознания.

Выводы

Психология, следуя фундаментальным традициям организации научного знания, опирается на опыт, эксперимент, наблюдение как основной источник в деле понимания «факта» души. Психология стремится к тому, чтобы просчитать душевные явления, состояния, качества, представить показатель, выявленный с помощью сложного математического расчета. Но не будем столь наивными. Труднее всего поддается методам математической статистики и просчитыванию душа человека. Душу человека невозможно ни просчитать, ни уложить в схему, даже если эта схема весьма наукообразна. Душу человека вообще невозможно схематизировать. Между тем, для самого себя человек всегда был и остается наиболее значимой проблемой. Поэтому он нередко обращается к психологии в поисках ответов на волнующие его вопросы. Однако ответы на свои вопросы человек может получить лишь в призме подлинной заинтересованности своим сознанием, но это уже другая история, не имеющая к психологии никакого отношения.

1. Дильтей В. Описательная психология / В. Дильтей – Санкт-Петербург : Алетейя, 1996. – 160 с. (Эл. Источник: <http://psylib.org.ua/books/dilte01/>).

2. Пятигорский А. М. Философия и психология // [Электронный ресурс] /<http://bateson.ru/filosofiya-i-psihologiya-lektsiya-aleksandra-pyatigorskogo/>

3. Уотсон, Б. Дж. Психология как наука о поведении / Б. Уотсон // Основные направления психологии в классических трудах. Бихевиоризм. Э. Торндайк. Принципы обучения, основанные на психологии. Джон Б. Уотсон. Психология как наука о поведении. Москва : ООО «Издательство АСТ- ЛТД», – 1998. 704 с.

4. Хайдеггер, М. Цолликоновские семинары / М. Хайдеггер – Вильнюс : ЕГУ, 2012. – 406 с.

REFERENCES

Dil'tej V. Opisatel'naya psihologiya / V. Dil'tej – Sankt-Peterburg : Aletejya, 1996. – 160 s. (El. Istochnik: <http://psylib.org.ua/books/dilte01/>).

2. Pyatigorskij A. M. Filosofiya i psihologiya // [Elektronnyj resurs] /<http://bateson.ru/filosofiya-i-psihologiya-lektsiya-aleksandra-pyatigorskogo/>

3. Uotson, B. Dzh. Psihologiya kak nauka o povedenii / B. Uotson // Osnovnye napravleniya psihologii v klassicheskikh trudah. Biheviorizm. E. Torndajk. Principy obucheniya, osnovannye na psihologii. Dzhon B. Uotson. Pihologiya kak nauka o povedenii. Moskva : OOO "Izdatel'stvo AST- LTD", – 1998. 704 s.

4. Hajdegger, M. Collikonovskie seminary / M. Hajdegger – Vil'nyus : EGU, 2012. – 406 s.

POSSIBILITIES OF EXISTENTIAL PHILOSOPHY IN PSYCHOLOGICAL PRACTICE

**KABANOVA
LILIA**

*Doctor of Philosophy,
Professor of of the Department of Philosophy and
Cultural Studies,
Petrozavodsk State University, Institute of History,
Political and Social Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation, lila31@yandex.ru*

Keywords:

psychology
existential philosophy
consciousness
psyche

Summary:

The problems of modern psychology are immense, and there are many different directions, methods, approaches. All of them actively represent themselves both in the professional and public sphere, which is a positive thing, but you should think about the internal essence of mass psychological content. Psychology asks questions about processes, about changes in the mental, but not about what the mental is and, most importantly, it does not ask questions about the conscious. This is addressed by existentially oriented philosophy the use of which in physiological practice seems necessary and meaningful.

УДК 908; 726.03

НИКОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ДЕРЕВНЕ УНЕЖМА: ИСТОРИЯ И АРХИТЕКТУРА*

**ТОДОРОВА
ЗИНАИДА
АРИАНОВНА**

*АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
"ТРАДИЦИЯ",
Москва, Российская Федерация,
ano-tradiciya@yandex.ru*

Ключевые слова:

русское деревянное зодчество
деревянные храмы
кубоватые храмы
Онежское Поморье
поморские традиции

Аннотация:

Статья посвящена малоизвестному памятнику деревянного зодчества – Никольской церкви 1824 года в деревне Унежма Онежского района Архангельской области. Объект крайне труднодоступен и находится в уникальном природном окружении. Церковь необычна по своей архитектуре и, вместе с тем, мало изучена с точки зрения строительной истории, архитектурно-художественных особенностей и взаимосвязей с региональными традициями. Церковь рассматривается в комплексе с колокольней 1792 года как архитектурный ансамбль, просуществовавший более четырехсот лет. Работа основана на исторических архивных источниках и материалах натурного обследования объекта. Выявлена строительная история Никольской церкви, определена строительная периодизация. Облик здания на каждом строительном этапе обоснован и представлен в графических реконструкциях. Проведено сравнение объекта с аналогами Онежского Поморья и выявлены характерные особенности его архитектуры. Объект изучен и в конструктивном аспекте. На основании сопоставления с аналогичными конструкциями и анализа их исторических изменений сделаны выводы о первоначальном завершении. Интерпретированы исторические данные о предшествующем храме и в совокупности с анализом местных архитектурных традиций получена его графическая реконструкция. Таким образом, раскрыта эволюция формирования и развития храмового комплекса деревни Унежма. Архитектура Никольской церкви и колокольни обладает своими неповторимыми чертами и вместе с тем органично соответствуют храмостроительным традициям Онежского Поморья.

© 2021 Петрозаводский государственный университет

Получена: 26 декабря 2021 года

Опубликована: 26 декабря 2021 года

Селение Унежма располагалось на мысе Бранница, недалеко от места впадения реки Унежмы в Белое море. Возможно поэтому оно не имело деления на «верх» и «низ», типичного для поселений Онежского уезда, расположенных на реках^[i]. До 1847 года деревня относилась к Первому благочинию Онежского уезда Архангельской губернии Кушерецкого Вознесенского прихода, находясь в 24 верстах от него. Впоследствии здесь был открыт самостоятельный приход «со штатом 7 класса»^[ii]. В начале XIX века в Унежме насчитывалось 53 дома, численность населения не превышала 400 человек. К середине

века число домов увеличилось до 64, а к концу столетия значилось уже 80 дворов с общим количеством населения 566 человек[[iii](#)].

Ансамбль, когда-то состоящий из церкви Николая Чудотворца, колокольни, ограды и, предположительно, крестов под навесами, до нашего времени не сохранился. От него осталось только сильно разрушенное здание храма (см. рис.1).

Рис. 1. Церковь Николая Чудотворца в д. Унежма. Фотография Воеводина И. В. 2020 г.

Figure 1. The Church of Saint Nicholas the Wonderworker in Unezhma village. Photo by Voevodin I.V., 2020

Но пока еще эта точка на карте поддерживает нить церковных ансамблей, расположенных ожерельем по южному побережью Белого моря, от Вирмы до Пурнемы.

Основными работами на сегодняшний день по исследованию Никольской церкви в Унежме являются труды Е. Е. Федосеевой. В них подробно изложена порой драматическая, порой загадочная, история данной церкви. Одной из наиболее ранних публикаций является статья 2010 года [8].

Никольская церковь представляет собой сравнительно небольшое по размеру и простое по архитектуре сооружение. Четверик 6,4 x 6,4 м венчает характерный для Онежского побережья куб, увенчанный одной главой. С запада пристроена трапезная с двумя приделами. Неповторимость этого ансамбля – в его местонахождении, на самом берегу Белого моря, где архитектура и стихия пребывают в непосредственной близости, на протяжении многих лет глядя друг на друга... Здесь, на побережье – особая среда, среда особого света, выбеливающего «одежды» крутых боков карбасов, срубов, с их тесовыми кровлями и дощатыми крыльцами, плавника, выброшенного на берег, сами воды холодного северного моря и даже привычную темноту ночей. Света, очищающего как будто само бытие... По свидетельству старожилов, «церковь и колокольня белели и манили путника в это зачарованное царство среди моря и варак...» [7: 35]. Морской ландшафт задает свои, величественные масштабы, и у маленькой постройки появляются циклопические для нее бревна, достигающие 35 см в диаметре. Такая игра масштаба присутствует и в центральном ансамбле Беломорья – Соловецкого монастыря, к которому когда-то относился и Унежемский край.

Облик унежемской святыни XVI-XVII веков остается пока не раскрытым. Пожар, который произошел 27 декабря 1813 года (или, по версии Е. Е. Федосеевой, в 1822 году) разделит историю ансамбля на «до» и «после». В нем погибла церковь, но уцелела колокольня. Свидетельств о том, каким было допожарное здание храма, найдено пока совсем не много. Самое раннее упоминание о том, что в деревне Унежма стоит Никольская церковь, находится в писцовой книге 1582–1583 годов [4: 167]. Есть также упоминание 1799 года, в котором указывается о наличии антими́нса, который был «священнодействован благословением Преосвященного Корнилия Митрополита Новгородского и Великолуцкаго 7185 года октября 22 дня»[[iv](#)], т. е. в 1677 году. Вероятно, это дата строительства и освящения, как минимум, второй допожарной Никольской церкви. Некоторые черты этой постройки есть

в «Описи церковного имущества» 1808 года: «Церковь Николая Чудотворца деревянная вышины до кровли 3 сажень в длину по фундаменту 3 сажень на ней одна Глава обита чушуйей. Крест восьмиконечной деревянной. Олтарь при оной Церкви четырехугольной также и паперть. У паперти одни двери простой работы... В паперти одно окно окончина стеклянная. В Трапезу двери простой работы... В Трапезе три окна в оных окончины стекльчатые. В Церковь двери простой работы... В Церкви три окна в них окончины стеклянные... Во олтаре два окна небольших...Царские врата на них написаны Благовещение и четыре Евангелиста»^[v]. В этом же документе есть описание и колокольни построенной в 1792 году: «При оной Церкви колокольня шатровая вышины пять сажень на ней четыре колокола»^[vi]. Из этого описания видно, что церквушка была совсем небольшой. Основной объем представлял собой куб со стороной 6,4 м, что в плане соответствует габаритам нынешней церкви. Кровля, скорее всего, была двухскатной, так как характерный для памятников Онежского Поморья XVII века шатер просит более вытянутых в высоту пропорций главного сруба. Опираясь на то, что алтарь был четырехугольным, как в Никольских церквях Пурнемы и Малашуйки, можно предположить, что кровля имела небольшие полицы. Возможно Унежемский ансамбль XVII века был схожим с ансамблем Подужемья Кемского района, запечатленным Билибиным в 1904 году. По графической реконструкции на 1826 год видно, что даже небольшая новая Никольская церковь выглядит несколько крупно рядом с удивительно стройной и изящной колоколенкой, что также может указывать на более миниатюрную сгоревшую предшественницу (см. рис. 2).

Рис. 2. Реконструкции церковного ансамбля в Унежме на 1808 г.
Figure 2. Reconstructions of the Church Complex in Unezhma as of 1808

Вопросы остались и по самому раннему, послепожарному этапу строительства нынешней церкви, когда на месте пепелища был поставлен амбар[vii] для хранения церковной утвари, т. к. из пожара удалось спасти, по некоторым архивным данным[viii], Царские врата. Где-то эта постройка упоминается даже как часовня[ix].

По документам крестьяне просят о строительстве церкви с учетом уже имеющегося строения. Версия, что к амбару пристроили алтарь, опровергается натурными исследованиями, эти части здания рублены одновременно. Возможно, архивы еще прояснят этот загадочный и интересный эпизод в истории Унежемской церкви, а на сегодняшний день можно выдвинуть некоторые предположения, опираясь на натурные исследования памятника. Было обнаружено, что на западной, наружной стене четверика отсутствуют следы от слег кровли изначальной трапезной, а также от ее пола и потолка. Сама стена имеет круглые, необработанные бревна по всей высоте, т. е. церковь и первоначальная трапезная никогда не были единой постройкой, а представляли собой два отдельно стоящих сруба. Также об этом могут свидетельствовать два первоначальных дверных косяка, сохранившихся на западной стене. Их габариты указывают на существование более глубокого портала, чем при обычной толщине стены.

Факт, что первоначальная трапезная была отдельным срубом, дает возможность предположить, что она и была тем самым амбаром для хранения церковной утвари, спасенной из пожара. По свидетельству Указа[x] крестьяне так и формулировали свое прошение.

«Получен 5 июля 1825 года. Копия.

Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского. Из Архангельской Духовной Консистории, в Онежское Духовное правление.

Слушав резолюцию Его Преосвященства Неофита, Епископа Архангельского и Холмогорского, данную на прошение Онежской округи Унежемской волости сотского с крестьянами, Консистория просит к поставленному амбару для хранения церковной утвари и св. образов деревянный придел с прирубом алтаря, и в оный вывезти из Кушерецкого прихода оную утварь и св. образа, вывезенные в прошлом 1823 году по предписанию сей Консистории по сгорении церкви, и осветить оный придел понову, поелику просители крестьяне не суть раскольники и поведения доброго, и когда будет пристроен, по благоприличию отрапортовать».

Приделом называли и основные объемы храмов, имеющие алтарь.

Вполне вероятно, что до постройки церкви амбар служил молитвенным домом, какие встречались в поморских деревнях. В пользу этой гипотезы говорит еще тот факт, что именно в иконостасе трапезной, как в месте более намоленном, находилась «преждебывшая сень» из сгоревшей церкви, «на коей изображены на средине Господь Вседержитель, по сторонам тайные вечера».[xi]

Вероятность такой разгадки судьбы амбара усиливается существованием аналогичных ситуаций в других приходах. Особо близкой по своей истории является трапезная Богоявленской церкви в деревне Поле, которая была построена раньше церкви. «После того, как сгорела прежняя церковь, строительство в Поле началось с молитвенного дома. Именно так его именуют крестьяне в прошении 1851 года и добавляют, что потом, после постройки церкви, он может быть использован как трапезная. В правом углу помещения молитвенного дома был устроен алтарь и престол, освященный в мае 1852 года. Через год была построена и церковь, а сруб молитвенного дома действительно занял место традиционной трапезной» [5: 214-215].

Возможно, амбар разобрали около 1830–1834 годов и к церкви пристроили теплую трапезную. Об этом упоминается в документах середины XIX века.[xii] Отдельно пристроенная трапезная встречается и на других памятниках, например, Петропавловской церкви в Вирме, расположенной недалеко от Унежмы, Никольской церкви в Сырье.

Дошедшая до нас Никольская церковь имеет три основных строительных этапа. Первоначальный этап: 1824 – начало 1830 годов, пристройка к амбару основного объема с алтарем, разборка амбара и постройка на его месте теплой трапезной. Второй этап относится к 1880 году, когда храм обшили изнутри и снаружи. В это время церковь была запечатлена В. В. Суловым. Третий этап, наиболее радикальный, пришелся на 1890–1910 годы, когда окна нижнего уровня сильно увеличили и придали им арочные завершения, а окно второго света из сдвоенного прямоугольного сделали круглым. Дверные проемы также были увеличены и увенчались пологой аркой. Кульминацией перестройки стало строительство новой трапезной, которое продлилось с 1902 по 1910 годы [7].

Входящая в Унежемский ансамбль колокольня была построена в 1792 году. Постройка имела шатровое завершение и характерные кокошники на поллицах четверика. Такой ее зафиксировал В. В.

Суслов на фотографии и чертежах. Изменения в облике произошли в 1898–1899 годы. Тогда колокольню «нарядили» по моде тех лет: обшили профилированной доской, шатер заменили на купол со шпилем, убрали все лишние и «неблагонадежные» элементы декора. В 1931 году колокольня была разобрана [7].

Выполненные нами реконструкции отражают, насколько это возможно, все строительные этапы Никольской церкви и колокольни.

Реконструкция Никольской церкви на 1826 год создавалась по «Описи имущества и угодий Унежемского Николаевского прихода Онежского уезда Архангельской губернии» за 1829 год [xiii] и по сохранившимся следам на памятнике. В вышеуказанном документе подробно описаны основные черты церкви: «Церковь Никольская деревянная одноэтажная в высоту до крыши восемь сажень в ширину три сажени в длину от алтаря по фундаменту с трапезою девять сажень. На коей купал деревянной дощанной одна шея и глава обита чешуею. Крест осьмиконечной деревянной, алтарь оной церкви построен в три полукружия на нем одна шея и глава обита чешуею, крест осьмиконечной деревянной, кровля на церкви и алтаре деревянная; с южной страны для входу в паперть крыльцо деревянное, и над оным крышка на два ската; в паперть двери стварные... В папетри одно окно с южной стараны окончина стеклянная, в трапезе три окна с окончинами стеклянными, в церкви пять окон с окончинами стеклянными. Во святом олтаре два окна с южной стороны а другое с восточной». Церковь представляла собой нанизанные на одну ось простые объемы. Квадратный в плане основной сруб с кубоватым завершением, к нему в тех же габаритах пристроенный прямоугольный объем трапезной и паперти с двухскатной крышей. С востока прирублен более узкий пятигранный алтарь, перекрытый бочкой, и с запада односкатное крыльцо так же с двухскатной крышей (см. рис. 3).

Рис. 3. Реконструкция церкви Николая Чудотворца в д. Унежма 1824–1826 гг. Южный фасад. Рис. Тодоровой З. А., по обмерам Бодэ А. Б., Воеводина И. В., Зининой О. А.

Figure 3. Reconstruction of the Church of Saint Nicholas the Wonderworker in Unezhma village, 1824–26. South facade. Drawing by Todorova Z. A., using measurements by Bode A. B., Voevodin I. V. and Zinina O. A.

На реконструкции видна игра бревенчатых стен, где из-за небольшой высоты здания (от земли до полиц 8,5 м.) диаметр нижних, тех самых исполинских бревен резко уменьшается к повалу от 35 до 18

см. Возможно, эта пластика еще подчеркивалась более скромными бревнами трапезной-амбара. Небольшие, почти квадратные, окна реконструируются по затескам, а дверной проем – по сохранившимся вертикальным косякам. Отметка конька и уклон кровли трапезной хорошо читаются по следу на обшивке западной стены основного объема. Высота помещения этой части здания получается по построению и составляет всего 2,6 м. По описи окон в трапезной было три и одно на паперти. Предположив, что трапезная могла быть изначально амбаром, который выполнял роль молитвенного дома, два южных окна объединили. Такие сдвоенные окна характерны для типа построек, выявленных А. Б. Бодэ при исследовании церкви Тихвинской иконы Божией матери в Юдмозере – это часовни-трапезные [1]. Наличие печи в северо-западном углу у двери так же характерно для построек такого типа.

Рисунок ограды крылечка выполнен по аналогии ограждения рядом стоящей колокольни, а столб изображен по образцу столбов на крыльцах Ворзогорского ансамбля. В целом вырисовывается традиционный облик русского поморского деревянного храма. Особенностью является одна глава, а не многоглавие [7].

В архитектуре Никольского храма есть еще несколько интересных деталей. У храма нет подклета, как и в церквях Петра и Павла в Вирме и Всех Святых на Кий-острове. От пола до земли всего пара венцов. Возможно, это связано со скалистой местностью, на которой расположены все три памятника. Уровень пола алтаря не выделяется, а находится на том же уровне, что и в основном объеме. Эта черта, скорее всего, перешла и в новую трапезную с двумя приделами.

На потолке алтаря появляется дополнительный конструктивный элемент – «прижимное» бревно с восточной стороны. Эта деталь необходима, т. к. уровень потолка находится на уровне начала повала, который не зажимает потолочные доски. Интересен объем кубоватого завершения. На большинстве памятников (Вирма, Подпорожье, Кушерека, Нименьга и др.) это целиком рубленая конструкция, имеющая внутри две стенки, образующие внутреннюю крестовину на всю высоту куба. В Унежме такое «рубленое» решение заменено на «каркасное» – верхний сектор куба представляет собой четыре стропильные ноги, соединенные сверху горизонтальными брусками. Глава с барабаном держатся на мачте и четырех, наклоненных к ней, стойках, расположенных по сторонам света. Вся эта конструкция опирается на крестовину из спаренных бревен, находящихся в уровне повала. Аналог такого решения внутреннего устройства куба есть у Преображенского храма в селе Турчасово, но оно относится к 1869 году, когда здание перебиралось, а не к изначальной конструкции (см. рис. 4).

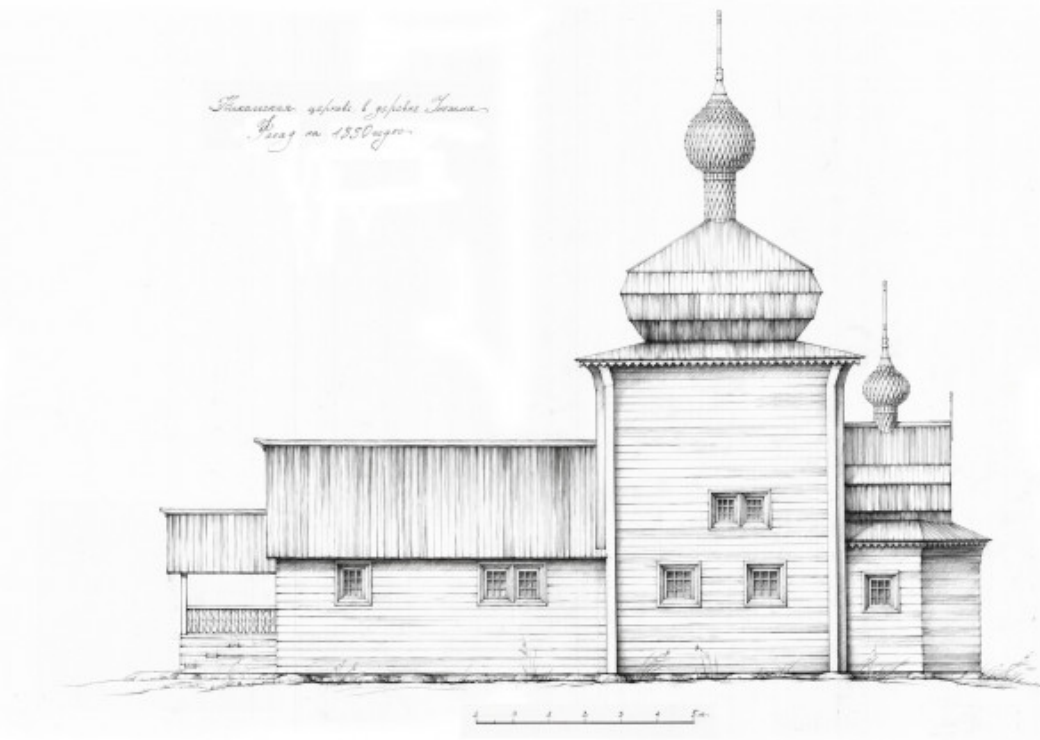

Рис. 4. Реконструкция церкви Николая Чудотворца в д. Унежма 1880 г. Южный фасад. Рис. Тодоровой З. А., по обмерам Бодэ А. Б., Воеводина И. В., Зининой О. А.

Figure 4. Reconstruction of the Church of Saint Nicholas the Wonderworker in Unezhma village, 1880. South facade. Drawing by Todorova Z. A., using measurements by Bode A. B., Voevodin I. V. and Zinina O. A.

Форма куба Унежемской церкви имеет очень упрощенный, не характерный силуэт, больше похожий на ремонтные работы, чем на первоначальную форму. На сохранившихся памятниках или изображениях видно, что кубоватое завершение в русском деревянном зодчестве стремилось к килевидному силуэту, даже когда линии стали уже довольно рубленые. Ф. Ф. Горностаев и И. Э. Грабарь считали эту форму «ловкой подменой запрещенного шатра» [3], что совсем нельзя сказать об унежемском кубе – он скорее купол, чем шатер. Было ли так всегда? Сейчас сказать сложно, т. к. вся верхняя часть, шея и главка, были утрачены во время Великой Отечественной войны, а венцы конструкции куба имеют большие утраты. Куб Никольской церкви близок по форме к ремонтному, упрощенному варианту завершения Петропавловской церкви в Вирме, который закрыл ее красивую, пластичную первоначальную форму [6: 451]. Аналогом является также церковь Преображения в Нименьге [2]. Она также имеет каркасный верхний участок куба. Но и на этом памятнике угол уклона кровли меняется в месте перехода от рубленой части к стропильной, что задает вертикальное направление общей форме, как у всех памятников такого типа. На фотографии Сулова бросается в глаза несколько длинноватая шея главы Никольского храма. Может быть, изначально ее основание было прикрыто каркасным верхним сектором куба, угол которого могли легко поменять во время ремонта 1880-х годов. Упоминания о том, что «кумпол» находится в неудовлетворительном состоянии, часто встречается в унежемских документах.[\[xiv\]](#) Но, не имея доказательств, вернее всего отнести такую форму куба к угасанию художественной и строительной традиции. Сама главка Унежемской церкви как будто отголосок каплеобразных маковок Никольского храма в селе Ворзогоры.

В 1880-х годах церковь была обшита внутри и снаружи. Предположительно, в интерьерах была вертикальная обшивка, т. к. следов от направляющих не обнаружено. Такое решение встречается в Малошуйке, Подпорожье, Вирме. Покрашены интерьеры основного объема и алтаря были в яркий синий цвет, небольшие следы сохранились на стенах алтаря и основного объема. Но, в целом, храм сохранился в своих основных габаритах и объемах (см. рис. 4).

В начале третьего строительного этапа, т. е. 1898–1899 годы, были внесены довольно ощутимые изменения в облик церкви. Увеличены дверные и оконные проемы, с приданием им неорганичной для дерева арочной формы. Опираясь на то, что сохранившиеся наличники вокруг арок сделаны из отдельных прямых отрезков профиля, так же реконструировали всё обрамление деталей, имеющих кривизну. На утопленных досках потолка основного объема встречаются небольшие планочки, назначение которых пока не удалось определить. Установленная в 1895 году печь не попала на реконструкцию, т. к. находилась в северо-западном углу основного объема. На западной стене сохранился проем от ее дымохода.

Новая двухпрестольная трапезная 1902–1910[\[xv\]](#) годов подарила Унежме образ, напоминающий Онежское многоглавие несмотря на то, что выдающейся по архитектуре эту постройку назвать сложно. В совокупности, церковь увенчалась пятью главами (см. рис. 5).

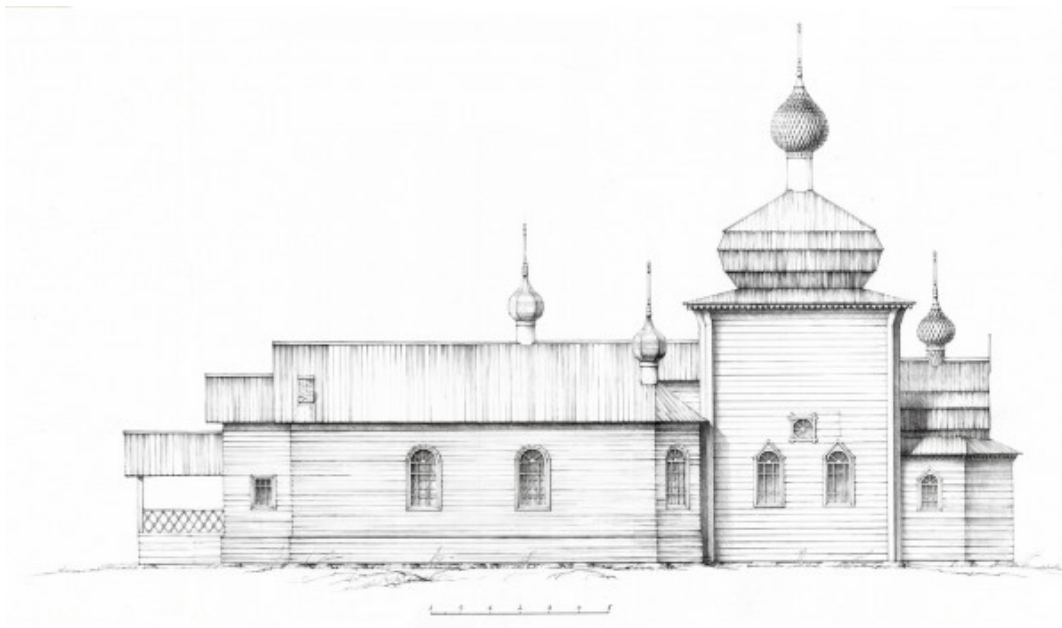

Рис. 5. Реконструкция церкви Николая Чудотворца в д. Унежма 1910 г. Южный фасад. Рис. Тодоровой З. А.

Figure 5. Reconstruction of the Church of Saint Nicholas the Wonderworker in Unezhma village, 1910. South facade. Drawing by Todorova Z. A.

В плане новая пристройка представляет собой квадрат со скошенными восточными углами. С запада ее дополняют более узкие по ширине притвор и крыльцо. Кровли над всеми новыми объемами – двухскатные. Есть небольшие завороты кровли над скошенными углами-апсидами приделов. Рублена трапезная из сильно сбежистого материала, довольно грубо, особенно притвор. Трапезная имела двойной потолок, конструкция которого состояла из разноуровневых балок, связанных системой металлических стяжек и поддерживаемых болезненно-тоненькими стоечками, что так отличается от традиционных мощных резных столбов. Интерьер был обит тканью и побелен, а также «окрашены потолки и столбы белилами и охрою» [7: 95]. Трассирующие, вертикальные следы от гвоздиков до сих пор видны на стенах. Конструкция пола не сохранилась. Предположительно, это была система балок, т. к. пролеты довольно большие – 13 x 13 м. Расположение иконостасов приделов указано в соответствии с чертежом М. Верюжского [xvi] и по аналогии с другими памятниками: Поле, Сырья и другими. Их габариты ограничиваются двумя восточными столбами трапезной. В документах [7: 110] сказано, что две печи у западной стены были металлическими. Предположительно, они могли быть такими, как сохранившаяся печь в храме Богоявления деревне Поле. Ограда крылечка скопирована с нового ограждения колокольни.

Сложная, трагическая история строительства новой трапезной подробно описана в книге Е. Е. Федосеевой [7]. Цена ее возведения – жизнь человека, служившего настоятелем храма, и сильно повлиявшего на весь его позднейший архитектурный облик, что делает трапезную памятником истории данной деревни, может и не совсем красивым с архитектурной точки зрения. Ведь ценность памятника не всегда в идеальных пропорциях, выверенных конструктивных решениях... Унежма – небольшая, уже заброшенная деревня, с почти разрушенным храмом, с трудным климатом для ведения хозяйства, несомненно, дорога тем, что открывает перед человеком другое, поморское мироощущение, и находится в удивительном по красоте месте, на краю «белого Света»...

Благодарности: Автор выражает признательность кандидату философских наук Жигальцовой Т. В. за предоставление архивных материалов из фондов Государственного архива Архангельской области.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-012-00356 «Архитектура деревянных храмов Онежского Поморья XVII-XIX веков. Типология, эволюция, региональные традиции».

ПРИМЕЧАНИЯ

[i] ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 35. Л. 12. Список населенных мест 1-го благочиния Онежского уезда, 1898 год.

[ii] ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 139. Л. 19. Клировая ведомость церквей Онежского уезда, 1850.

[iii] ГААО. Ф. 29. Оп. 35. Д. 19. Л. 155. Клировые ведомости церквей Онежского уезда, Пинежского, Мезенского уездов, 1830. Ф. 29. Оп. 37. Д. 139. Л. 19. Клировая ведомость церквей Онежского уезда, 1850. Ф. 462. Оп. 1. Д. 35. Л. 12. Список населенных мест 1-го благочиния Онежского уезда, 1898 год.

[iv] ГААО. Ф. 29. Оп. 37. Д. 8. Л. 220. Клировая ведомость, 1799.

[v] ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 148. Л. 402. Описание церковного имущества по Онежской округе, 1808.

[vi] ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 148. Л. 406а. Описание церковного имущества по Онежской округе, 1808.

[vii] ГААО. Ф. 478. Оп. 1. Д. 2. Л. 58, 96 об.

[viii] ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 176. Л. 106. Описание церковного имущества по Онежской округе, 1814.

[ix] ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 600. Л. 1 (1848 г.); Ф. 462. Оп. 1. Д. 2. Л. 350 (1849 г.)

[x] ГААО. Ф. 478. Оп. 1. Д. 2. Л. 58, 96 об. Цитируется по: Архитектурный ансамбль Унежемского Никольского прихода/ Е. Е. Федосеева – Санкт-Петербург: Моя Строка, 2017. С. 26.

[xi] ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 466. Л. 22-31. Описание имущества и угодий Унежемского Николаевского прихода Онежского уезда Архангельской губернии, 1835.

[xii] ГААО. Ф. 462. Оп. 1. Д. 30. Л. 22-31; Ф. 104. Оп. 1. Д. 922. Л. 2. Клировые ведомости, 1845–1907.

[xiii] ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 258. Л. 151. Описание церковного имущества по Онежской округе, 1829.

[xiv] ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 600; Ф. 462. Оп. 1. Д. 30. Л. 22-31 (1834); Ф. 29. Оп. 31. Д. 782. Л. 1-13 (1856) Клировая ведомость Николаевской церкви Унежемского прихода Онежского уезда, 1848.

[xv] ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1672. Л. 14. Дело о постройке трапезы при церкви Унежемского прихода Онежского Уезда (прилагается чертеж и рисунок), 1902–1910.

[xvi] ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т.3. Д. 1672. Л. 23. Цитируется по: Архитектурный ансамбль Унежемского Никольского прихода/ Е. Е. Федосеева – Санкт-Петербург: Моя Строка, 2017. С. 94.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бодэ А. Б., Жигальцова Т. В. Церковь Тихвинской иконы Божьей Матери в деревне Юдмозеро Архангельской области. История и архитектура // Studia Humanitatis Borealis. 2020. № 3. С. 17-28. DOI:

10.15393/j12.art.2020.3603

Бодэ А. Б., Фетисова Д. Д. Преображенская церковь в деревне Нименьга // Деревянное зодчество. Вып. 7. Новые исследования и открытия. М.; СПб., 2020.

Грабарь И. Е., Горностаев Ф. Ф. Главные типы Великорусского деревянного храма. Режим доступа: www.portal-slovo.ru («Православный образовательный портал»). Размещение в библиотеке «РусАрх»: 2009.

Записки императорского русского географического общества. Кн. VIII: О пятинах и погостах новгородских в XVI веке / ред. К.А. Неволин. СПб: Тип. Императорской Академии Наук, 1853.

Ковалевская Т. С. Проявление традиции в архитектуре деревянных храмов архангельской губернии в XIX веке // Деревянное зодчество. Новые материалы и открытия. Вып. VII. М.; СПб., 2020

Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Бревенчатый Иерусалим, Ч. II. Москва: «Ополо», 2011.

Федосеева Е. Е. Архитектурный ансамбль Унежемского Никольского прихода. СПб: Моя строка, 2017.

Федосеева Е. Е. Архитектурный ансамбль Унежемского прихода // Деревянное зодчество. Вып. 1. Новые исследования и открытия. М.; СПб., 2010.

REFERENCES

Bode A. B., Zhigaltsova T.V. The Church of Theotokos of Tikhvin in Yudmozero, Arkhangelsk Region. History and Architecture // Studia Humanitatis Borealis. 2020. No. 3. P. 17-28. DOI: 10.15393/j12.art.2020.3603 (In Russian).

Bode A.B., Fetisova D.D. Church of Transfiguration in Nimenga Village // Derevyannoe zodchestvo. Issue 7. New Studies and Findings. Moscow – Saint Petersburg, 2020. (In Russian).

Grabar I.E., Gornostaev F.F. Main Types of Great Russian Wooden Church // Available at: www.portal-slovo.ru ("Orthodox Educational Portal"). Available in RusArch library since: 2009. (In Russian).

Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society. Book VIII: On Novgorod pyatinas and pogosts in the 16th century/ ed. K.A. Nevolin. Saint Petersburg: Printing house of Imperial Academy of Sciences, 1853. (In Russian).

Kovalevskaya T.S. Manifestation of Traditions in the Architecture of Wooden Churches in Arkhangelsk Province in the 19th century // Derevyannoe zodchestvo. New Materials and Findings. Issue VII. Moscow – Saint Petersburg, 2020. (In Russian).

Opolovnikov A.V., Opolovnikova E.A. Timber Jerusalem, Part II. Moscow: Opolo, 2011.

Fedoseeva E.E. Architectural Complex of Unezhma Saint Nicholas Parish. Saint Petersburg: Moya stroka, 2017. (In Russian).

Fedoseeva E.E. Architectural Complex of the Unezhma Parish // Derevyannoe zodchestvo. Issue 1. New Studies and Findings. Moscow – Saint Petersburg, 2010. (In Russian).

SAINT NICHOLAS CHURCH IN UNEZHMA VILLAGE: HISTORY AND ARCHITECTURE

**TODOROVA
ZINAIDA**

*Architect and Restorer,
Autonomous Nonprofit Organization
"Tradition",
Moscow, Russian Federation, ano-tradiciya@yandex.ru*

Keywords:

Russian wooden architecture
wooden churches
square onion dome churches
Onega Pomorye
Pomor traditions

Summary:

The article deals with a relatively unknown monument of wooden architecture – the Saint Nicholas Church (1824) in Unezhma village of the Onega District in the Arkhangelsk Region. The monument is extremely hard to reach, and it is located in a unique natural environment. The church stands out due to its architecture; however, it is poorly studied in terms of its construction history, architectural and artistic features, and interconnections with regional traditions. The church is described together with the bell tower built in 1792 as an architectural complex existing for more than four hundred years. The study is based on historical archival sources and on-site survey results. The authors traced the construction history of the Saint Nicholas Church and identified its construction stages. The appearance of the building at each construction stage was substantiated and presented through graphical reconstructions. The building was compared to similar structures found in the Onega Pomorye, and its specific architectural features were exposed. The building was also studied from the structural point of view. Based on the results of the comparison with similar structures and the analysis of their historical changes, the author made some conclusions about the original design of the church top. Historical data on the preceding church were interpreted and used to create its graphical reconstruction, together with the analysis of local architectural traditions. Thus, the article brings to light the construction history and development of the Unezhma church complex. The architecture of the Saint Nicholas Church and the bell tower has its distinctive features, but it ultimately conforms to the church-building traditions of the Onega Pomorye.

УДК 821.161.1

ТВОРЧЕСТВО Л. АНДРЕЕВА И П. ЛАГЕРКВИСТА В КОНТЕКСТЕ ЭКСПРЕССИОНИЗМА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

**ШАРАПЕНКОВА
НАТАЛЬЯ
ГЕННАДЬЕВНА**

*доктор филологических наук,
заведующая кафедрой германской филологии и
скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет,
Институт Филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
natshar@mail.ru*

**ЯКУШЕВА
ПОЛИНА
ВИКТОРОВНА**

*Магистрант,
Петрозаводский государственный университет,
Институт Филологии,
Petrozavodsk, Russian Federation, linnamory@gmail.com*

Ключевые слова:

экспрессионизм
Пер Лагерквист
Леонид Андреев
сравнительно-типологический
метод
русский экспрессионизм
шведский экспрессионизм

Аннотация:

В статье творческие методы русского писателя, ярчайшего представителя Серебряного века Л. Андреева (1871–1917) и шведского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе П. Лагерквиста (1891–1974) соотнесены с ведущим направлением в искусстве и литературе начала XX века – экспрессионизмом. Доказывается, что для их произведений характерны такие черты экспрессионизма, как изображение хаотичного мира и нервного, отчужденного героя, субъективное начало, повышенная экспрессия, схематизм образов, статичность образов, гротескность форм, цветовые контрасты. Авторы приходят к выводу, что для сравнения экспрессионистского творчества Л. Андреева и П. Лагерквиста лучше всего подходит историко-типологический метод, разработанный В. М. Жирмунским.

© 2021 Петрозаводский государственный университет

Получена: 26 декабря 2021 года

Опубликована: 26 декабря 2021 года

ВВЕДЕНИЕ. ЭКСПРЕССИОНИЗМ КАК МЕТОД И ПОЭТИКА

Апокалиптические настроения, торжество Хаоса над порядком, крушение гуманистических ценностей, мировоззренческий и методологический кризис, характерные для культуры и искусства рубежного периода (XIX–XX веков), наиболее ярко воплотились в таком направлении, как *экспрессионизм* (от лат. expression – «выражение»), на эстетическом «языке» которого были созданы произведения в разных родах и видах искусства (в живописи, театре, кинематографе, музыке), а также и художественные произведения как за рубежом (в первую очередь в Германии и Австрии), так и в России.

Наиболее ярко, мощно и полно экспрессионизм проявил себя в Германии, где получил и теоретическое оформление, и сполна воплотился в художественных опытах в разных родах и видах искусства и литературы. Точкой отсчета для данного направления в искусстве и культуре считается

1905 год, когда было создано объединение художников «die Brücke» («Мост»). Началом собственно экспрессионизма в литературе считаются 1910-1911 годы, когда было опубликовано стихотворение немецкого поэта еврейского происхождения Я. Ван Ходдиса «Weltende» («Конец света») и учрежден ставший впоследствии главным экспрессионистский журнал «Der Sturm», и опубликована статья Г. Манна «Geist und Tat» (1910, «Дух и действие»). Сам же термин «экспрессионизм», изначально возникший в художественных кругах, в литературу был привнесен Г. Вальденом в уже упомянутом журнале «Der Sturm» в 1911 году. Однако черты, характерные как для метода (проблематики, тематики, концепции человека и др.), так и для поэтики (жанра, изобразительных и выразительных средств и др.) экспрессионизма, начали формироваться еще до того, как направление получило название. Пик развития экспрессионизма пришелся на годы Первой мировой войны, которая «непосредственно столкнула экспрессионистов с жизнью в самом бесчеловечном ее проявлении» [9: 13].

К. Пинтус (1886-1975), немецкий писатель и журналист, активный пропагандист экспрессионизма, лично знавший Ф. Кафку, Г. Бенна, М. Брода и других представителей данного направления, в составленной им антологии немецкой экспрессионистской поэзии «Сумерки человечества» обращает внимание, прежде всего, на повышенную экспрессию в произведениях писателей, поэтов-экспрессионистов и считает главной приметой этого во многом революционного направления – «интенсивность и радикализм чувств, убеждений, выраженья, формы», которые побуждают литераторов, публицистов, журналистов «к борьбе со старым человечеством уходящей эпохи и к страстному приготовлению и требованию нового лучшего человечества» [14: 5].

Вместе с тем для данной дефиниции в культурологии и филологии до настоящего времени не определены еще четкие терминологические границы. В рамках данного исследования мы обратились к многочисленным источникам и трудам ученых, изучающих экспрессионистический метод, его эстетику и поэтику. Одна из ведущих германистов современности Н. С. Павлова так определяет сущность экспрессионизма как метода: «...это направление в искусстве и литературе, выразившее в период Первой мировой войны и последовавших революционных потрясений *ощущение кризиса* буржуазного мира» (курсив наш. – Н. Ш., П. Я.) [13: 464].

Кроме этого, ученый – глубокий специалист именно по немецкоязычной культуре Н. С. Павлова обращает внимание на другую не менее характерную черту экспрессионизма: «Главным провозглашалось выражение субъективных представлений автора» [13: 464].

Известный литературовед, искусствовед и культуролог Ю. Б. Борев справедливо считал, что экспрессионизм «трудноуловим для обобщающей характеристики», однако ученый предлагает своеобразный «концептуальный инвариант», в котором акцент сделан на характеристике изменившейся природы человеческой личности эпохи начала революционных потрясений, Первой мировой войны и революций, эпохи, рубежной и во многом кризисной. Все это стало своего рода эстетическим протестом против буржуазной (читай: мещанской) действительности. Приведем наблюдение Ю. Б. Борева: «Экспрессионизм – художественное направление, утверждающее: отчужденный человек живет во враждебном мире. В качестве героя времени экспрессионизм выдвинул мятущуюся, захлестываемую эмоциями личность, не способную внести гармонию в разрываемый страстями мир» [2: 342].

Итак, для экспрессионизма как метода свойственно: 1. Субъективное описание окружающей враждебной герою действительности; 2. Воссоздание героя как личности яркой, раздираемой противоречиями, борющейся и противостоящей чуждому себе миру.

Среди других характерных черт уже поэтики (не метода) экспрессионизма назовем: 1. Введение ярких контрастов и их столкновение, ведущее к взрыву; 2. Предельно-обобщенные образы с укрупненными деталями; 3. Использование разных форм гротеска.

Все художественные направления, как то символизм (неоромантизм), дадаизм, сюрреализм, экспрессионизм, импрессионизм в своей основе совершают главный переворот, а именно – от миметического (натуроподобного), заявленного еще Аристотелем, искусства переходят к искусству субъективному, экспрессивному, личностному.

Менее четко и ярко экспрессионизм реализовал себя в литературах других европейских стран, в том числе русской и шведской. Однако это не значит, что среди литераторов этих стран нет тех, в чьих произведениях можно проследить характерные черты экспрессионистского метода и поэтики. В этом и состоит новизна предпринятого нами исследования.

Л. АНДРЕЕВ И ЭКСПРЕССИОНИЗМ

К русским представителям экспрессионизма в литературе бесспорно относят писателя Леонида Николаевича Андреева (1871-1917), называя его родоначальником этого направления в России. Изучением произведений одного из ярчайших представителей Серебряного века в контексте

европейского экспрессионизма занимались К. В. Дрягин, И. И. Иоффе, Л. А. Иезуитова, Н. А. Бондарева, Ю. В. Бабичева, О. И. Хайрулина, И. В. Монисова, М. А. Шестакова, Н. Ю. Филоненко. Активно сотрудничая и с писателями-реалистами (например, с М. Горьким), и с символистами (З. Гиппиус, Г. Чулковым), Л. Андреев не примыкал ни к одному из этих направлений. Писатель дебютировал и стал знаменит сначала как автор рассказов (например, «Баргамот и Гараська», 1899; «Ангелочек», 1899; «Стена», 1901), а затем перешел к более крупным прозаическим произведениям (например, «Жизнь Василия Фивейского», 1903; «Красный смех», 1904; «Иуда Искарот», 1907) и драмам (например, «Жизнь человека», 1907; «Анатэма», 1909).

В данном исследовании в качестве второй значащей фигуры нами выбран наиболее известный модернист скандинавской литературы, шведский писатель, поэт и драматург Пер Лагерквист (1891–1974). Автор таких произведений, как «Палач» (1933), «Карлик» (1944), «Варавва» (1950), в 1951 году ставший лауреатом Нобелевской премии по литературе, начал свой творческий путь еще в 1910-е годы. Исследователи называют П. Лагерквиста первым модернистом в литературе Швеции, и, что важно для проблематики данной статьи, имя именно этого шведского писателя связывается с экспрессионистской эстетикой.

Русская и шведская литературы, обе являющиеся частью литературы общеевропейской, а также близкие друг другу как литературы стран, территорию которых можно отнести к странам Европейского Севера, к сожалению, нечасто являются предметом сравнительных исследований, несмотря на потенциальное значение, которое такое сравнение может иметь для выявления не только общих черт, но и национальных особенностей обеих литератур. В отечественном литературоведении и культурологии исследованиями шведско-русских связей занимались В. П. Неустроев, А. А. Мацевич, К. Мурадян, Т. А. Чеснокова, Д. М. Шарыпкин, М. Ю. Люстров, Д. В. Кобленкова, О. Г. Абрамова и И. В. Романовская. Экспрессионизм редко рассматривается в контексте шведско-русских литературно-культурных связей. В качестве примера приведем статью «Шведский экспрессионизм» А. А. Мацевича [12].

Проблемным в современной гуманитарной науке является вопрос о принадлежности Л. Андреева к определенному направлению или школе. Некоторые исследователи относят творчество писателя к реализму, другие – к неореализму. Однако большинство ученых приходят к выводу о синтетическом характере литературного творчества Л. Андреева, т. е. о соединении в его произведениях характерных признаков различных направлений. Сам писатель не причислял себя к какому-то определенному направлению. В личной переписке Л. Андреев задавался вопросом: «Кто я? — Для благороднорожденных декадентов — презренный реалист, для наследственных реалистов — подозрительный символист» [цит. по: 8: 74].

Первым исследователем, заявившем об экспрессионизме творчества русского писателя, стал советский музыковед и искусствовед, теоретик синтеза искусств И. И. Иоффе, который поименовал Л. Андреева «первым экспрессионистом в русской прозе» [6: 267], хотя повышенная экспрессия как характерная черта нового направления выделялась в качестве отличительной черты метода Андреева еще его современниками-символистами (Вяч. Ивановым, В. Гофманом). Кроме того, И. И. Иоффе в своей монографии «Культура и стиль» (1927) выделял такие характерные для экспрессионизма черты драматургии Л. Андреева, как *схематизм образов, статичность картин, гротескность форм, поэтика цветовых контрастов*. В статье с характерным названием «Экспрессионизм в России» литературовед К. В. Дрягин выделяет Л. Андреева как писателя, в чьем творчестве наиболее ярко проявился экспрессионистский стиль, выделяя особый тип «леонидоандреевского интеллигента с его издерганными нервами и вечно-подавленным состоянием» [4: 324]. Исследователь А. Л. Григорьев утверждает, что «в поисках новых литературных путей Леонид Андреев предвосхитил экспрессионизм как международное художественное движение» [3: 198].

Попытка поместить творчество Л. Андреева в определенные «вериги» одного или нескольких направлений продолжают до сих пор. Так, например, академик В. А. Келдыш справедливо определяет Л. Андреева как «пестрого художника» с точки зрения определения его творческого метода [8: 180]. Литературовед Н. А. Бондарева приходит к похожему выводу и заявляет, что творчество Л. Андреева родственно исканиям немецких экспрессионистов. При этом исследовательница выделяет те произведения, где субъективная и гротескная эстетика, характерная для экспрессионизма, доминирует («Стена», «Красный смех», «Так было!»), а также и реалистические произведения, где экспрессионистская тенденция уходит на второй план («Жизнь Василия Фивейского», «Рассказ о семи повешенных», «Губернатор») [1].

В данном исследовании мы придерживаемся мнения, что творчество Л. Андреева включает в себя

характерные признаки экспрессионизма как метода и как поэтики.

П. ЛАГЕРКВИСТ И ЭКСПРЕССИОНИЗМ

Если Л. Андреев, по крайней мере, в ранние периоды своего творчества не мог соотнести себя с экспрессионизмом, то П. Лагерквист всегда не только не отождествлял, но даже и отрицал свою связь с немецким экспрессионизмом. Так, например, в 1947 году шведский писатель отмечал: «...я до сего дня фактически не читал ни одного немецкого экспрессиониста...» [19: 74], а до этого довольно негативно высказывался о выставке экспрессионистов в Германии, на которой ему удалось побывать в 1915 году: представленных там художников он называет «наивными агитаторами, зациклившимися на цвете и скандалах» [цит. по: 17: 43]. Вместе с тем, некоторые детали биографии П. Лагерквиста позволяют выявить его интерес к экспрессионизму. Так в манифесте «Искусство словесное и искусство изобразительное», написанном в 1913 году, шведский писатель, выступая против реализма и натурализма, в качестве ориентира для новой литературы указывает на такие художественные направления, как «кубизм и экспрессионизм в живописи». Кроме того, Лагерквист отправлял некоторые из своих ранних произведений для перевода и публикации в главном европейском экспрессионистском журнале «Sturm» (таким образом писатель поступает, например, со сборником новелл «Железо и люди», написанном в 1915 году). Хотя в итоге там опубликован будет только его сборник стихов и рассказов «Мотив» (1914), а Н. Вальден, одна из основателей журнала, опубликует несколько небольших рецензий на его произведения.

В 1916 году выходит в свет сборник стихотворений П. Лагерквиста под названием «Ångest» («Тоска»), который считается первым значимым модернистским произведением в шведской литературе. Через несколько лет после выхода данного сборника, в 1918 году, критик и историк литературы С. Эк провозглашает Лагерквиста «первым шведским экспрессионистом» [16: 356].

Немаловажным является и то, что кроме идей Ф. Ницше и С. Кьеркегора, на шведского писателя повлияло позднее творчество его соотечественника и родоначальника экспрессионизма шведского драматурга А. Стриндберга, «которым он особенно восхищался» [18: 37].

Экспрессионистская тенденция раннего творчества шведского писателя неоднократно отмечались как отечественными, так и зарубежными литературоведами. Так, например, в периодизации творчества Лагерквиста, предложенной Л. Брейтхольцем, первому, раннему этапу творчества писателя, закончившемуся в 1924 году, дается название «экспрессионистского» [15]. В этот период шведским писателем были написаны поэтические сборники «Тоска» и «Хаос», сборники рассказов «Железо и люди» и «Злые сказки», повесть «Улыбка вечности», а также пьесы «Последний человек», «Невидимка» и «Небесная тайна». В контексте экспрессионизма раннюю прозу П. Лагерквиста рассматривает и шведская исследовательница Г. Херманссон, которая пишет о том, что тот «основывал свой манифест новой литературы на живописи экспрессионистов и кубистов» [17]. С экспрессионизмом риторику П. Лагерквиста соотносит и польская исследовательница К. Шевчик-Хааке, например, говоря о том, что его понимание ценностей и миссии искусства «близко к коммунистическому типу экспрессионизма» [21: 53]. Отечественный литературовед А. А. Мацевич выделяет следующую особенность творчества П. Лагерквиста, характерную для поэтики экспрессионизма: изображение «человека в дисгармоничном, рушащемся мире, охваченным кошмаром войны, сопряженным с чувством острого личного душевного разлада – трагического отчуждения личности в абсурдном бытии и невозможность преодолеть кризис на путях традиционной веры» [11: 311].

Исследователь также обращает внимание на часто возникающие в творчестве шведского писателя экспрессионистские мотивы и образы, такие как «крик», «хрип», а также характерные резкие смены настроений персонажей. Приведенные выше суждения именитых исследователей поддерживает нашу гипотезу о принадлежности, по крайней мере, на определенном этапе, произведений П. Лагерквиста европейскому экспрессионизму.

ИСТОРИЧЕСКИ-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ И ПРАВОМЕРНОСТЬ СРАВНЕНИЯ

Уточним важный вопрос, связанный с возможным влиянием одного писателя на другого. Творчество Л. Андреева было широко известно не только в Российской империи, но и за ее пределами, в том числе и в Швеции. Так, в год выхода на русском языке произведений «Красный смех» (1905), «Рассказ о семи повешенных» (1908), «Анатэма» (1909) они были переведены на шведский язык. Хотя теоретически у П. Лагерквиста в 1910–1920-е годы был доступ к переводам произведений Андреева, достаточных оснований для того, чтобы говорить о прямом влиянии или заимствовании (т. е. контактном взаимодействии), на данный момент не зафиксировано.

Однако в компаративистике существует иной подход к сопоставлению литературных явлений. В

этом отношении нас интересует введенный еще В. М. Жирмунским, заложившим принципы сравнительного литературоведения, термин «историко-типологические схождения» [5: 64], который обозначает связи между литературными явлениями, определяемыми родственными или аналогичными условиями общественной и идеологической действительности, независимо от осознания этой связи самими писателями. Данный подход особенно продуктивен при сравнительно-исторических исследованиях в рамках литературных направлений, что мы и ставим своей целью.

Использование историко-типологического подхода при изучении данной проблемы может позволить не только проследить экспрессионистские тенденции в творчестве Л. Андреева и П. Лагерквиста и выявить особенности творческого метода обоих писателей в контексте эстетики экспрессионизма, но также дать возможность выявить национальные особенности реализации эстетических особенностей данного направления в русской и шведской литературах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во-первых, рассмотрение творчества Л. Андреева и П. Лагерквиста в контексте экспрессионизма не только возможно, но и теоретически обоснованно. В отечественном и зарубежном литературоведении существует традиция, согласно которой творчество Л. Андреева и П. Лагерквиста частично относят к данному направлению, а их произведения рассматриваются в контексте немецкого экспрессионизма. Во-вторых, изучение и сопоставление историко-типологических схождений (конвергенций) в экспрессионистском творчестве Л. Андреева и П. Лагерквиста является не только допустимым, но и представляется обоснованным.

Решение этих вопросов открывает перед исследователями перспективу изучения проблемы экспрессионизма в творчестве Л. Андреева и П. Лагерквиста в таких плоскостях, как рассмотрение экспрессионистской эстетики, воплощенной в конкретном жанре, рассмотрение особенностей использования приемов экспрессионизма или рассмотрение способа воплощения тем и проблем, характерных для поэтики экспрессионизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарева, Н.А. Творчество Леонида Андреева и немецкий экспрессионизм [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук (10.01.01) / Н.А. Бондарева. – Орел, 2005. – 25 с.
2. Боров, Ю.Б. Эстетика: Учебник / Ю.Б. Боров. – Москва : Высш. шк., 2002. – 511 с.
3. Григорьев, А.Л. Леонид Андреев в мировом литературном процессе / А.Л. Григорьев // Русская литература. – 1972. – № 3. – С. 190–205.
4. Дрягин, К.В. Экспрессионизм в России / К.В. Дрягин // Труды Вятского пединститута. – Вятка, 1928. – Т. 3, № 4. – С. 324–328.
5. Жирмунский, В.М. Избранные труды. Сравнительное литературоведение. Восток и запад / В.М. Жирмунский. – Ленинград : «Наука», 1979. – 375 с.
6. Иоффе, И.И. Избранное. Ч. 2 : Культура и стиль / И.И. Иоффе. – Москва : Говорящая книга, 2010. – 927 с.
7. Келдыш, В.А. Между реализмом и модернизмом: [Русская литература на рубеже XIX и XX веков] / В.А. Келдыш // История всемирной литературы: В 8 томах. – Москва : Наука, 1983–1994. – Т. 8. – 1994. – С. 73–78.
8. Келдыш, В.А. Русский реализм начала XX века / В.А. Келдыш. – Москва : Наука, 1975. – 279 с.
9. Куликова, И.С. Экспрессионизм в искусстве / И.С. Куликова. – Москва : Издательство «Наука», 1978. – 512 с.
10. Люстров, М.Ю. Людвиг Хольберг и русско-скандинавские связи в XVIII веке / М.Ю. Люстров. – Москва : ИМЛИ РАН, 2021. – 272 с.
11. Мацевич, А. Пер Лагерквист / А. Мацевич // Энциклопедический словарь экспрессионизма. Москва : ИМЛИ РАН, 2008. С. 311–313.
12. Мацевич, А. Шведский экспрессионизм / А. Мацевич, Н. Мохов // Энциклопедический словарь экспрессионизма. – Москва : ИМЛИ РАН, 2008. – С. 643–647.
13. Павлова, Н.С. Экспрессионизм / Н. Павлова // Словарь литературоведческих терминов. – Москва : «Просвещение», 1974. – С. 464–465.
14. Терёхина, В.Н. Путиями русского экспрессионизма / В.Н. Терёхина // Русский экспрессионизм. – Москва : ИМЛИ РАН, 2005. – С. 3–48.
15. Breitholtz, L. Epoker och diktare - II: allmän och svensk litteraturhistoria / L. Breitholtz. – Stockholm,

1972. – 760 s.

16. Ek, S. Pär Lagerkvist. En svensk expressionistisk diktare / S. Ek // *Litteraturen*. – 1918. – № 1. – S. 355–363.

17. Hermansson, G. Kort, knapp eller kantig? Något om expressionism och prosa i Norden 1910–1930 / G. Hermansson // *Tidskrift för litteraturvetenskap*. – 2013. – № 2. – S. 39–48.

18. Lagerkvist, P. Antecknat. Ur efterlämnade dagböcker och anteckningar. Urval och redigering av Elin Lagerkvist / P. Lagerkvist. – Stockholm : Bonnier, 1977. – 128 s.

19. Lagerkvist, P. Brev / P. Lagerkvist. – Stockholm : Bonnier, 1991. – 439 s.

20. Så kombinerade författare prosa med expressionism [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <https://www.forskning.se/2016/02/18/sa-kombinerade-forfattarna-prosa-med-expressionism/>, свободный.

21. Szewczyk-Haake, K. The Ethical Turn in the Early Writings of Pär Lagerkvist / K. Szewczyk-Haake // *Folia Scandinavica*. № 18. Poznań, 2015. P. 49–66.

REFERENCES

1. Bondareva, N. A. Leonid Andreev's Works and German Expressionism Леонида Андреева: Cand. dis. Oryol, 2005. 25 p. (In Russ.)

2. Borev, Yu. B. Aesthetics: a textbook. Moscow, 2002. 511 p. (in Russ.)

3. Breitholtz, L. Epoker och diktare - II: allmän och svensk litteraturhistoria / L. Breitholtz. – Stockholm, 1972. – 760 s.

4. Dryagin, K. V. Expressionism in Russia. Vyatskiy Pedagogical Institute's Writings. Vyatka, 1928. Vol. 3, No 4. P. 324–328 (In Russ.)

5. Ek, S. Pär Lagerkvist. En svensk expressionistisk diktare / S. Ek // *Litteraturen*. – 1918. – № 1. – S. 355–363.

6. Grigoryev, A. L. Leonid Andreev in the World Literature Process. Russian Literature. 1972. No 3. P. 190–205 (In Russ.)

7. Hermansson, G. Kort, knapp eller kantig? Något om expressionism och prosa i Norden 1910–1930 / G. Hermansson // *Tidskrift för litteraturvetenskap*. 2013. No 2. S. 39–48.

8. Ioffe, I. I. Selected Works. Part 2: Culture and Style. Moscow, 2010. 927 p. (In Russ.)

9. Keldysh, V. A. Between Realism and Modernism: Russian Literature at the Turn of 19th and 20th Century. History of World Literature: in 8 volumes. Moscow, 1983–1994. Vol. 8. 1994. P. 73–78 (In Russ.)

10. Keldysh, V. A. Russian Realism at the Beginning of 20th Century. Moscow, 1975. 279 p. (In Russ.)

11. Kulikova, I. S. Expressionism in Art. Moscow, 1978. 512 p. (In Russ.)

12. Lagerkvist, P. Antecknat. Ur efterlämnade dagböcker och anteckningar. Urval och redigering av Elin Lagerkvist / P. Lagerkvist. Stockholm, 1977. 128 s.

13. Lagerkvist, P. Brev / P. Lagerkvist. Stockholm, 1991. 439 s.

14. Lyustrov, M. Yu. Ludwig Holberg and Russo-Scandinavian Relations in 18th century. Moscow, 2021. 272 p. (In Russ.)

15. Matsevich, A. Pär Lagerkvist. Encyclopedic Dictionary of Expressionism. Moscow, 2008. P. 311–313 (In Russ.)

16. Matsevich, A., Mokhov, N. Swedish Expressionism. Encyclopedic Dictionary of Expressionism. Moscow, 2008. P. 643–647 (In Russ.)

17. Pavlova, N. S. Expressionism. Dictionary of Literary Terms. Moscow, 1974. – P. 464–465 (In Russ.)

18. Så kombinerade författare prosa med expressionism. 2016. Available at: <https://www.forskning.se/2016/02/18/sa-kombinerade-forfattarna-prosa-med-expressionism>.

19. Szewczyk-Haake, K. The Ethical Turn in the Early Writings of Pär Lagerkvist / K. Szewczyk-Haake // *Folia Scandinavica*. No 18. Poznań, 2015. P. 49–66.

20. Teryokhina, V. N. The Ways of Russian Expressionism. Russian Expressionism. Moscow, 2005. P. 3–48 (In Russ.)

21. Zhirmunskiy, V. M. Selected Works. Comparative Literature. East and West. Leningrad, 1979. 375 p. (In Russ.)

LEONID ANDREYEV'S AND PÄR LAGERKVIST'S WORKS IN THE CONTEXT OF EXPRESSIONISM: THE PROBLEM STATEMENT

SHARAPENKOVA
Natalia

*PhD in PHILOLOGY,
Head of the Department of German Philology and
Scandinavian Studies,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation, natshar@mail.ru*

YAKUSHEVA
Polina

*Masters degree candidate,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, linnamory@gmail.com*

Keywords:

expressionism
Pär Lagerkvist
Leonid Andreyev
comparative typological method
Russian expressionism
Swedish expressionism

Summary:

The article substantiates the classification of the creative methods of Leonid Andreyev (1871-1917) and Pär Lagerkvist (1891-1974) as expressionistic. Expressionism was the leading art and literature direction in the early XX century. The authors trace back the Russian and foreign academic tradition of viewing certain periods of these writers' creative career as expressionistic. This tradition is based on some of the characteristics present in their works, such as heightened expression, one-dimensional characters, static scenes, grotesque forms, colour contrasts, the depiction of a chaotic world, and a nervous and alienated person within it. The authors come to the conclusion that the expressionist works of Leonid Andreyev and Pär Lagerkvist can be most effectively compared by employing the historical typological method developed by Victor Zhirmunsky.

УДК 821.161.1

ОБРАЗ «ЧУЖОЙ РОДИНЫ» В ЛИРИКЕ Р. РИЛЬКЕ И М. ЦВЕТАЕВОЙ

**ВАСИЛЬЕВА
СВЕТЛАНА
ВЛАДИМИРОВНА**

*кандидат философских наук,
доцент кафедры германской филологии и
скандинавистики,
Петрозаводский государственный университет,
Института филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
milorada07@mail.ru*

**АМЕЛИНА
АНАСТАСИЯ
ЭДУАРДОВНА**

*Магистрант Института филологии,
Петрозаводский государственный университет,
Института филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
anilema777@yandex.ru*

Ключевые слова:

родина
процесс адаптации
диалог культур
поэзия
Рильке
Цветаева
Россия
Германия

Аннотация:

В статье авторами рассматривается образ «чужой родины» на примере поэтического наследия Райнера Рильке и Марины Цветаевой. Дано определение понятия «родина», выявлены особенности процесса адаптации в новом культурном и социальном окружении, а также в ходе поэтического анализа изучено отношение к родине двух поэтов – представителей разных менталитетов, которые не только интересовались немецкой и русской культурами, но и считали себя их частью.

Авторы статьи пришли к выводам, что понимание родины связано не только с ее возвышением, но и с принятием всех реалий, позитивных и негативных, в контексте времени, социальной, культурной и политической обстановки. В случае с Рильке и Цветаевой восприятие их «духовных родин» оказалось односторонним, направленным только на положительную перцепцию, поскольку поэты «поэтизировали» Россию и Германию, не обращая внимания на действительность. Таким образом, можно сказать о том, что поэтам не удалось до конца постичь свои противоречивые «духовные родины», которые оказались в самом центре социального хаоса и общественных потрясений начала XX века.

© 2021 Петрозаводский государственный университет

Получена: 26 декабря 2021 года

Опубликована: 26 декабря 2021 года

ВВЕДЕНИЕ

Тема родины волновала отечественных и зарубежных поэтов во все времена, поскольку эта тема, как и тема любви, остается вне временных границ, вне категории актуальности – любому человеку важно ощущать свою принадлежность к той или иной стране, быть частью отдельно взятого народа. Начало XX века окрашено драматизмом в связи с тем, что многие представители интеллектуальной

элиты России были вынуждены покинуть пределы страны в связи с кардинальным изменением политического режима, при котором они не мыслили свою дальнейшую жизнь и свободную литературную деятельность.

Однако уже в первые годы пребывания на чужбине писателей и поэтов-эмигрантов охватил страх, связанный с их представлениями о том, что их литературное творчество не сможет долго самостоятельно просуществовать вне России. Находясь вдали от соотечественников и современного им социального контекста, они боялись потерять связь со своим родным языком и страной [3].

ПОНЯТИЕ РОДИНЫ

Сейчас понятие родины может показаться несколько «размытым» и потерявшим свою актуальность – в эпоху глобализации у людей появилось больше возможностей для реализации себя и своих навыков не только в своей стране, но и за рубежом, происходит активное развитие различных программ мобильности, благодаря которым можно получить опыт жизни и работы за границей. Не стоит забывать и о горячих точках планеты, откуда люди вынуждены эмигрировать в другие страны уже не по собственному желанию, а из-за вынужденных обстоятельств, оставив свой дом, друзей и все то, что было нажито ими за долгие годы. Так, наряду с традиционным понятием родины, возникает термин «чужая родина», который может иметь позитивную или негативную коннотацию, в зависимости от ситуации.

Если обратиться к традиционному толкованию этой категории, то в толковом словаре Д. Н. Ушакова родина трактуется как:

1. Отечество; страна, в к-рой человек родился и гражданином к-рой он состоит. *Мы любим свой язык и свою родину...* || Место рождения кого-н. *Р. Ломоносова — деревня Денисовка близ Холмогор.* || перен. Место зарождения, происхождения чего-н. *Р. картофеля — Америка.* 2. перен. Место возникновения чего-н. *Советский Союз — р. социалистической революции* [9].

По мнению современного исследователя С. Н. Артановского, в своей статье рассматривавшего понятие родины и связанные с ней современные модификации, определение родины как страны, в которой человек родился, верно среднестатистически [1: 6].

Содержательное определение заключается в том, что:

Родина есть продукт исторического развития народа, который переделывает естественную среду в соответствии с представлениями своей культуры. (...) Изменив естественную среду согласно нашим представлениям и вкусам, мы полюбили ее как творение нашего разума, нашей воли и наших рук [1: 6].

Здесь необходимо пояснить, что в понятие «родина» непременно входит участие самого человека в формировании ее образа – в составе общности, которая является народом, каждый из нас участвует в формировании родной среды – сначала в ближайшем окружении, затем расширяя этот круг все дальше и шире. Только тогда можно говорить о «любви к Родине» – это всегда активная, деятельная позиция. В этом корень утраты патриотизма: его нельзя «привить», «развить» – он возникает «изнутри».

Для поэта родина является источником вдохновения, и он только вынужденно может покинуть ее, так как никогда не мыслит себя покидающим родину в поисках «лучшей доли».

С. Н. Артановский характеризует явление, получившее в Западной Европе название регионализма, когда «региональное самосознание» помогает лучше познать и полюбить свой родной край, беречь свои «локальные» традиции, культуру и говор. Регионализм связан с неприятием большого города, урбанизированного мира, в котором фактически распалось звено между жизнью в городе и в сельской местности. В связи с этим, как считает исследователь, у современного горожанина притупилось чувство родины [1: 7].

Важно отметить, что С. Н. Артановский рассматривает и психологическую сторону этого явления – человека тянет к месту своего рождения. Исследователь описывает современную тенденцию переезда человека из маленького места в большой город, где предлагается больше возможностей и перспектив для самореализации. Находясь в активном поиске этих возможностей, человек только ближе к преклонным годам начинает вспоминать свою малую родину, и его тянет вернуться в то место, где прошли его детские годы. Но в целом, в жизни современного человека главную роль играет большая родина с многообразием ландшафтов, условно одним народом и языком с различными вариантами [1: 7].

По мнению С. Н. Артановского, чувство родины различается у каждой отдельно взятой нации, оно возникает на фоне национальной жизни, из привязанности к «своему», родному и понятному. Легко ли перенести это чувство на чужую страну с совершенно другими нравами и традициями, легко ли искренне полюбить то другое, что человек может уважать и чем может восхищаться, но что будет

иным, отличным от родного [1: 9]?

ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ В УСЛОВИЯХ «НОВОЙ РОДИНЫ»

Не найдя себе места на родине или столкнувшись с политическими событиями, человек стремится отправиться на поиски «лучшей жизни» в другую страну в надежде обрести вторую родину. Он вполне может приспособиться к новому культурному и социальному окружению, овладеть языком и ассимилироваться. Однако может произойти и так, что человек никогда не станет частью чуждой ему среды. Стоит отметить, что процесс адаптации к новой среде всегда был и остается очень трудным процессом, имеющим множество «подводных камней», за которыми может скрываться сознательное или бессознательное нежелание самого человека принимать чужие обычаи и уважать законы той страны, где он оказался по собственной воле или в силу обстоятельств.

Примеров отказа следовать местным порядкам и с уважением относиться к букве закона в современном мире предостаточно: поток мигрантов, хлынувших в Европу в связи с обещаниями европейских политиков трудоустройства и социальных пособий, заставил европейское общество иначе посмотреть на политику мультикультурализма. В 2010 году ведущие деятели европейских стран признали политику мультикультурализма провалившейся, поскольку она сработала не на ассимиляцию мигрантов, не на их адаптацию под новое культурное и социальное окружение, а на создание мини-государств внутри европейских стран [2], что привело к обострению межнациональных конфликтов и к ущемлению прав местного населения.

В теории межкультурной коммуникации существует целый ряд учений и школ, которые нацелены на то, чтобы помочь человеку адаптироваться в иных/чужих культурных условиях, существуют теории адаптации и снижения неуверенности, выявления и прогнозирования конфликтов. Но на деле – в конкретной человеческой жизни – эти звучные теории не работают так, как хотелось бы их создателям. Слишком богата и разнообразна культурная палитра, которая заложена в человека «по рождению», генетически: это и язык, и религия, и менталитет, и ценности, и этнос. На этой почве произрастает вся духовность, все творчество – отсюда становится ясно, насколько это важно для писателей и поэтов.

Так, покинув свою родину, можно по-настоящему и не обрести новую, потому что недостаточно одного желания найти «лучшую жизнь», чувствовать привязанность и восхищение – необходимо научиться принимать местные порядки и культурные особенности, не изолироваться от общества, стремиться к уважению и соблюдению законов и, что представляется нам очень важным, к пониманию менталитета народа, частью которого человек хочет стать.

«ЧУЖАЯ РОДИНА» РАЙНЕРА РИЛЬКЕ

Особое отношение к родине было у поэтов Марины Цветаевой и Райнера Рильке. В общепринятом смысле австрийский поэт не был оторван от своей родины, в отличие от Цветаевой, познавшей тяготы жизни в вынужденной эмиграции. Но в отношении творческих людей не работают общезначимые законы: по большому счету, поэт всегда находится в поиске, в том числе и своей «поэтической родины».

Впервые австриец Рене Карл Вильгельм Иоганн Йозеф Мария Рильке приехал в Россию в 1899 году, увлекшись русской культурой и литературой. Значимым для него событием стала встреча со Львом Николаевичем Толстым, от которого поэт ждал глубокомысленных и философских разговоров, однако писатель настойчиво советовал иностранному гостю не очаровываться Россией и не заходить в православные храмы. Однако Рильке чувствовал, что без этого невозможно понять Россию, и в одном из писем он отметил: «Я рассматривал древние русские иконы, изучал изображения Христа и понял, чем отличается Владимирская Богоматерь от Смоленской. Мне кажется, что эти вещи имеют громадное значение; это даже то единственное, что имеет смысл знать...» [17].

Когда Рильке вернулся на родину, он посвятил себя изучению русского языка и культуры, а в начале мая 1900 года снова вернулся в Россию с убеждением, что с помощью России он может объяснить миру что-то важное; если же его собеседник указывал на грязь и нищету русской деревни, Рильке отвечал: «Я думаю, что количество грязи повсюду одно и то же, и там, где она (как в нашей культуре) не видна, то это всего лишь означает, что она удалась в духовную сферу, что много хуже!..» [17].

После отъезда из России в конце августа 1900 года Рильке написал несколько стихотворений на русском языке [17], во многих из которых фигурируют образы России, Бога и простого крестьянина. В рамках данной статьи мы бы хотели процитировать стихотворения, связанные с темой родины.

Например, в стихотворении «Песня» центральным образом является родина:

Песня

Я иду, иду и все еще кругом
Родина твоя ветренная даль
Я иду, иду и я забыл о том,
Что прежде других краев знал.
И как теперь далеко от меня
Большие дни у южного моря,
Сладкие ночи майского заката.
Там пусто все и весело.
И вот... Темнеет Бог...
Страдающий народ пришел к нему
И брал его как брата. [14]

Наиболее пристального внимания заслуживают слова и строки: «даль», «я иду, иду и я забыл о том, // Что прежде других краев знал», «сладкие ночи майского заката», «страдающий народ». Россия всегда ассоциируется с просторами, растянувшимися с запада на восток, поэтому слова «Родина» и «даль» условно являются здесь поэтическими синонимами.

Строка «сладкие ночи майского заката» мысленно возвращает в май 1900 года, когда Рильке во второй раз приехал в Россию и совершил большое путешествие по разным городам, оставившее неизгладимое впечатление на всю его жизнь.

В своем мировоззрении Рильке отводил особую роль русскому народу: «Быть может, русский человек для того и сотворен, чтобы, дав человеческой истории пройти мимо, войти после этого в гармонию вещей... Он должен подождать, потерпеть и, словно скрипач, которому еще не подан знак, сидеть в оркестре, осторожно удерживая свой инструмент...» [17].

Образ русского народа поэт неразрывно связывал с православием, через которое он пытался постичь «душу» русского человека, страдания, выпавшие на его долю... Отсюда и появляется эпитет «страдающий народ», которого Рильке также называл и «богоизбранным народом».

Более определенные черты образа простого русского человека появляются в стихотворении «Лицо»:

Лицо

Родился бы я простым мужиком,
то жил бы с большим просторным лицом:
в моих чертах не доносил бы я,
что думать трудно и чего нельзя
сказать...
И только руки наполнились бы
моею любовью и моим терпением, –
но днем работой-то закрылись бы,
ночь забирала б их моленьем.
Никто кругом бы не узнал – кто я.
Я постарел, и моя голова
плавала на груди вниз, да с теченьем.
Как будто мягче кажется она.
Я понимал, что близко день разлуки,
и я открыл, как книгу, мои руки
и оба клал на щеки, рот и лоб...
Пустые сниму их, кладу их в гроб, –
но на моем лице узнают внуки
все, что я был... но все-таки не я;
в этих чертах и радости и муки
огромные и сильнее меня:
вот, это вечное лицо труда [14].

В этом стихотворении нам представляется важным отметить образы терпения, работы, моления, труда – того, что, по мнению поэта, составляло жизнь простого русского человека, трудящегося на лоне родной земли. Несомненно, Рильке был понятен такой уклад жизни, но он признавал, что «все, что я был... но все-таки не я». Здесь мы наблюдаем духовное раздвоение поэта, мечтавшего быть «простым мужиком», однако осознающего, что это невозможно, на что указывает сослагательное наклонение в первой строфе:

Родился **бы** я простым мужиком,
то жил **бы** с большим просторным лицом:
в моих чертах не доносил **бы** я,
что думать трудно и чего нельзя
сказать...

Нельзя быть тем, кем ты не являешься по факту места рождения, и Рильке это хорошо понимал. Однако австрийский поэт, рожденный в Праге, считал Россию своей «духовной родиной» и пытался постичь ее культуру, язык, уклад жизни: «то, что Россия – моя родина, – принадлежит к великим и таинственным внутренним убеждениям, которыми я живу» [14].

Рильке не только читал русскую литературу в оригинале, изучал русское искусство и путешествовал, но и переводил на немецкий язык стихи русских поэтов. В частности, его перевод стихотворения М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» сегодня признан образцом точного воссоздания поэтического произведения на другом языке [11].

В 1920 году поэт написал: «Чем только я ни обязан России, она сделала меня таким, каков я ныне, из нее я вырос духовно, она – родина каждого моего побуждения, все мои духовные истоки – там!» [8]. Своей родиной Рильке называл два места: Богемию и Россию [11].

Удивительным представляется факт, что австрийский поэт так проникся Россией в такое трудное для страны время, когда многие русские отвернулись от нее и предпочли покинуть ее пределы, отправившись в эмиграцию. Неким творческим итогом размышлений, впечатлений и чувств Рильке к России стала книга «Часослов». Как отмечает известный исследователь творчества и жизни поэта К. М. Азадовский, «созданная нерусским поэтом, эта книга проникнута великой любовью к России и верой в ее будущее» [18].

В 1899 году Рильке писал Елене Ворониной, дочери известного зоолога и физиолога М. С. Воронина, состоявшей с ним в переписке: «Не читайте так много по-немецки, дражайшая Елена; прошу вас, оставьте Ницше. Уезжайте поскорее в деревню, купите кусок земли и ждите счастья. Ничто из того, что идет извне, не пригодится России...» [17]. Незадолго до смерти, завершая свое последнее письмо, Рильке написал слово «прощай» по-русски [17].

«ЧУЖАЯ РОДИНА» МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Марина Цветаева раньше других увидела страсть к России как одну из «сокровенных тайн» австрийского поэта, на которых было основано его творчество [18]. По мнению К. М. Азадовского, «восторженная поклонница Германии, она видела в Рильке родственное ей начало» [18]. Цветаева никогда не забывала, что наряду с русской и польской кровью в ней есть и частица немецкой крови. Она признавала, что в ней много душ, но самой главной была германская: «Во мне много рек, но главная моя река – Рейн» [5].

Именно благодаря матери, которая с детства прививала Марине любовь к немецкому языку и культуре, поэтесса чувствовала сопричастность ко всему немецкому, к Германии, ставшей неотъемлемой частью сознания Цветаевой. Русские и немецкие корни давали ей возможность свободно рассуждать и писать о двух совершенно разных менталитетах и народах. Интересно, что, по мнению исследовательницы В. А. Швейцер, «Цветаева считала немецкий язык и культуру наиболее близкими не только себе лично, но и русскому языку, культуре, русскому духу в целом» [5].

Категории «русскость» и «немецкость» не являлись для нее оппозициями, наоборот – Цветаева находила общие корни России и Германии, рассматривала братские, по ее мнению, народы только в наивысших проявлениях и выдвигала свою теорию о соотношении земного и небесного в них как в нации: «Ни один немец не живет в этой жизни, но тело его исполнительно. Исполнительность немецких тел вы принимаете за рабство германских душ! Нет души свободней, души мятежней, души

высокомерней! Они русским братья, но они мудрее (старше?) нас. Борьба с рыночной площади быта перенесена всецело на высоты духа. Им здесь ничего не нужно. Отсюда покорность. Ограничение себя *здесь* для безмерного владычества *там...*» [5].

В этих рассуждениях явно просматривается связь с православными ценностями, присущими русскому народу. К мнению поэтессы можно относиться по-разному, считая его справедливым или нет – это были чувства и мысли Цветаевой, которая не могла и не хотела расставаться с таким представлением о любимой ею Германии [5], которую она воспевала в стихотворениях и всей своей «германской» душой отзывалась на происходящие там события. В частности, Германии посвящено стихотворение с одноименным названием, написанное в годы Первой мировой войны:

Германии

Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам,
Ну, как же я тебя оставлю?
Ну, как же я тебя предам?
И где возьму благоразумье:
«За око – око, кровь – за кровь», –
Германия – мое безумье!
Германия – моя любовь!
Ну, как же я тебя отвергну,
Мой столь гонимый Vaterland,
Где все еще по Кенигсбергу
Проходит узколицый Кант,
Где Фауста нового лелея
В другом забытом городке –
Geheimrath Goethe по аллее
Проходит с тросточкой в руке.
Ну, как же я тебя покину,
Моя германская звезда,
Когда любить наполовину
Я не научена, – когда, –
– От песенок твоих в восторге –
Не слышу лейтенантских шпор,
Когда мне свят святой Георгий
Во Фрейбурге, на Schwabenthor.
Когда меня не душит злоба
На Кайзера взлетевший ус,
Когда в влюбленности до гроба
Тебе, Германия, клянусь.
Нет ни волшебней, ни премудрей
Тебя, благоуханный край,
Где чешет золотые кудри
Над вечным Рейном – Лорелей.

В этом стихотворении словно сосредоточилась вся страсть Цветаевой к Германии, за которую она горячо переживала в годы войны. Здесь оживает все, чем так любима и знакома эта страна: перед нами появляются фигуры Канта, Гёте, мы переносимся в романтическую долину Рейна, овеянную легендами о прекрасной Лорелее.

Поэтесса всей душой болеет за Германию, поклявшись никогда не предавать ее:

Когда меня не душит злоба
На Кайзера взлетевший ус,
Когда в влюбленности до гроба
Тебе, Германия, клянусь.

В середине 30-х годов в одном из писем Цветаева пыталась объяснить свое прохладное отношение к Толстому и Достоевскому, обратившись к своим немецким корням: «И – кажется последнее будет вернее всего – я в мире люблю не самое глубокое, а самое высокое, потому русского страдания

мне дороже гётевская радость, и русского метания – то уединение. Вообще, не ошибитесь, во мне мало русского (NB! сгоряча ошибаются все), да я и кровно – слишком – смесь: дед с материнской стороны (Александр Данилович Мейн – Meyn) – из остзейских немцев, с сербской прикровью, бабушка (урожд<енная>Бернацкая) – чистая полька, со стороны матери у меня России вовсе нет, а со стороны отца – вся. Так и со мною вышло: то вовсе нет, то – вся. Я и духовно – полукровка» [7].

Марина Цветаева знала, что такое страдания: пережив тяготы 1917–1921 годов, когда она вместе с детьми была вынуждена бороться за выживание, потеряв младшую дочь Ирину, в 1922 году она отправилась за рубеж за мужем, после разгрома белого движения уехавшим в эмиграцию. Первой остановкой поэтессы был Берлин, при приезде в который Цветаева почти сразу стала принимать участие в литературной жизни «русского Берлина» [6]. В частности, городу посвящено стихотворение с одноименным названием:

Берлину

Дождь убаюкивает боль.
Под ливни опускающихся ставень
Сплю. Вздрагивающих асфальтов вдоль
Копыта – как рукоплесканья.
Поздравствовалося – и слилось.
В оставленности златозарной
Над сказочнейшим из сиротств
Вы смилостивились, казармы! [13].

Ключевым словом в данном стихотворении является слово «боль»: Цветаева ощутила на себе все тяготы жизни в эмиграции и мучительной тоски по родной стране, где она была не нужна, впрочем, как и здесь, в любимой Германии. Свое ощущение от жизни вдали от родины она описывала так: «Моя неудача в эмиграции – в том, что я не эмигрант, что я по духу, то есть по воздуху и по размаху, – там, туда, оттуда...» [7] После нескольких тяжелых лет жизни за границей семья вернулась в Россию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нами был проанализирован образ «чужой родины» в стихотворениях Райнера Рильке и Марины Цветаевой. Поскольку мы говорим о творчестве, то нам представляется уместным использование термина «поэтическая родина».

Поэты, как люди истинно творческие, никогда не бывают ограничены пределами одной страны и одного менталитета – они всегда стремятся к познанию иных культур, через которые они могли бы наиболее полно транслировать свое творчество, всегда ищут новые пути самовыражения посредством изучения иностранного языка, знакомства с другой культурой. Цветаева и Рильке отказывались называть своей родиной только место своего рождения – их «духовной родиной» были те страны, с которыми они чувствовали внутреннее родство и где находили нечто близкое и понятное себе, восторженно изучали язык и культуру.

Однако такая восторженность вызывает вполне закономерный вопрос: а удалось ли поэтам по-настоящему понять свои «духовные родины», принять не только их несомненные достоинства, но и недостатки? Создается ощущение, что Рильке и Цветаева, «влюбленные» в Россию и Германию, будто не замечали социального хаоса, происходившего в те годы. Будто отстранившись от суровой реальности, они творили «свою» Россию и «свою» Германию, образы которых далеко не всегда соответствовали действительности. К. М. Азадовский отмечает, что «идеализация страны и ее народа ведет, как правило, к мифотворчеству. Мифы обладают притягательной силой; ими вдохновляется подчас культура, но они далеки от реальной исторической ситуации, порой совершенно несовместимы с ней» [18].

В этом заключается опасность такого поэтического возвышения и идеализации, поскольку за сказкой часто следует крушение иллюзий: «русский миф Рильке, как и германский миф Марины Цветаевой, оказался призрачным и был разрушен в XX веке неумолимым ходом исторических событий» [18]. Какие бы глубокие познания в области языка и культуры ни имели поэты, их понимание оказалось односторонним, направленным только на положительное восприятие России и Германии, на создание романтической сказки и мифов вокруг этих стран. Однако, по нашему убеждению, истинная любовь к своей родине и ее понимание достигается лишь в том случае, когда во внимание взяты и те реалии,

которые обличают далеко не всегда сказочную действительность: нищету, низкое качество жизни, недостаточный уровень культуры и образования, войны.

Так удалось ли Рильке и Цветаевой проникнуть в противоречивую душу своих «поэтических родин»? Мы склонны согласиться с К. М. Азадовским, назвавшим эпизод «Рильке и Россия» «увлекательным и поучительным экскурсом в область высокого романтического мифотворчества» [18].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артановский С. Н. Понятие Родины: современные модификации. [Электронный ресурс] / С. Н. Артановский. – Электрон. ст. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-rodiny-sovremennye-modifikatsii/viewer>, свободный. – Яз. рус. (дата обращения: 05.11.2021).
2. Васильева С. В. Доклад «Взаимодействие культур в условиях глобализации и мультикультурализма» / С. В. Васильева. – Петрозаводск. – с.6
3. «Вернуться в Россию – стихами». Тема Родины в произведениях писателей-эмигрантов [Электронный ресурс]. – URL: <https://urok.1sept.ru/articles/561027/> (дата обращения: 05.11.2021).
4. Как семья Цветаевой бедствовала за границей и сгинула на родине. Life[Электронный ресурс]. – URL: <https://life.ru/p/1006816/> (дата обращения: 11.11.2021).
5. Марина Цветаева: Швейцер Виктория: Марина Цветаева. Германия [Электронный ресурс]. – URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/biografiya/shvejcer-cvetaeva/germaniya.htm/> (дата обращения: 11.11.2021).
6. Немецкая остановка Марины Цветаевой [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.dw.com/ru/немецкая-остановка-марины-цветаевой/a-16279116/> (дата обращения: 12.11.2021).
7. Не похороните живой. Статьи. Известия [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/655628/ne-pokhoronite-zhivo/> (дата обращения: 13.11.2021).
8. Письмо к литератору Леопольду фон Шлёцеру от 21 января 1920 г. // Briefe 2 , 51.
9. Райнер Мария Рильке. Письмо Е. М. Ворониной. Журнал «География» №16/2004 [Электронный ресурс]. – URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200401613/> (дата обращения: 15.11.2021).
10. Родина. Толковый онлайн-словарь русского языка Ушакова Д. Н. [Электронный ресурс]. – URL: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/p/родина/> (дата обращения: 15.11.2021).
11. Россия и русские в жизни Рильке. Учительская газета [Электронный ресурс]. – URL: <https://ug.ru/rossiya-i-russkie-v-zhizni-rilke/> (дата обращения: 15.11.2021).
12. Русские поэты после 1917 года: эмигранты против оставшихся. Культура. Аргументы и факты [Электронный ресурс]. – URL: <https://aif.ru/culture/14507/> (дата обращения: 17.11.2021).
13. Стихи Цветаевой о Берлине и Германии [Электронный ресурс]. – URL: <http://stih.su/cvetaeva/stikhi-cvetaevoy-o-berline/> (дата обращения: 07.11.2021).
14. Стихи Рильке, написанные по-русски – Читальный зал – Омилия [Электронный ресурс]. – URL: <https://omiliya.org/article/stihi-rilke-napisannye-po-russki/> (дата обращения: 14.11.2021).
15. Творчество М. Цветаевой периода эмиграции. [Электронный ресурс]. – URL: <https://vladis-baxman.livejournal.com/23785.htm/> (дата обращения: 11.11.2021).
16. Токарева, И. В. Образ России в произведениях Р. М. Рильке / И. В. Токарева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2016. — № 14 (118). — С. 671-673. — URL: <https://moluch.ru/archive/118/32772/> (дата обращения: 13.11.2021).
17. Что искал в России немецкий поэт Райнер Мария Рильке Российская газета [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2019/04/09/chto-iskal-v-rossii-nemeckij-poet-rajner-mariia-rilke.html/> (дата обращения: 17.11.2021).
18. University of Toronto – Academic Electronic Journal in Slavic Studies [Электронный ресурс]. – URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/02/azadovskij.shtml/> (дата обращения: 15.11.2021).

REFERENCES

1. Artanovsky S. N. The concept of the Motherland: modern modifications. [Electronic resource] / S. N. Artanovsky. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-rodiny-sovremennye-modifikatsii/viewer/> (accessed 05.11.2021). (In Russ.)

2. Vasilyeva S. V. Report "Interaction of cultures in the context of globalization and multiculturalism" / S. V. Vasilyeva. - Petrozavodsk. - p.6. (In Russ.)
3. "Return to Russia - in verse." The theme of the Motherland in the works of emigrant writers. Available at: <https://urok.1sept.ru/articles/561027/> (accessed 05.11.2021). (In Russ.)
4. How Tsvetaeva's family was poor abroad and disappeared at home. Life. Available at: <https://life.ru/p/1006816/> (accessed 11.11.2021). (In Russ.)
5. Marina Tsvetaeva: Schweitzer Victoria: Marina Tsvetaeva. Germany. Available at: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/biografiya/shvejcer-cvetaeva/germaniya.htm/> (accessed 11.11.2021). (In Russ.)
6. Marina Tsvetaeva's German stop. Available at: <https://www.dw.com/ru/немецкая-остановка-марины-цветаевой/a-16279116/> (accessed 12. 11.2021). (In Russ.)
7. Do not bury alive. Articles. Izvestia. Available at: <https://iz.ru/655628/ne-pokhoronite-zhivo/> (accessed 11/13/2021). (In Russ.)
8. Letter to the writer Leopold von Schletzer dated January 21, 1920 // Briefe 2 , 51. (In Russ.)
9. Rainer Maria Rilke. A letter from E. M. Voronina. Geography Magazine No. 16/2004. Available at: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200401613/> (accessed 15.11.2021). (In Russ.)
10. Homeland. Explanatory online dictionary of the Russian language Ushakov D. N. Available at: <https://lexicography.online/explanatory/ushakov/p/родина/> (accessed 11/15/2021). (In Russ.)
11. Russia and Russians in the life of Rilke. Teacher's newspaper. Available at: <https://ug.ru/rossiya-i-russkie-v-zhizni-rilke/> (accessed 11/15/2021). (In Russ.)
12. Russian poets after 1917: emigrants against the rest. Culture. Arguments and facts. Available at: <https://aif.ru/culture/14507/> (accessed 17.11.2021). (In Russ.)
13. Tsvetaeva's poems about Berlin and Germany. Available at: <http://stih.su/cvetaeva/stikhi-cvetaevoy-o-berline/> (accessed 07.11.2021). (In Russ.)
14. Rilke's poems written in Russian - Reading Room - Omilia. Available at: <https://omiliya.org/article/stihi-rilke-napisannye-po-russki/> (accessed 14.11.2021). (In Russ.)
15. Creativity of M. Tsvetaeva during the emigration period. Available at: <https://vladis-baxman.livejournal.com/23785.htm/> (accessed 11.11.2021). (In Russ.)
16. Tokareva, I. V. The Image of Russia in the works of R. M. Rilke / I. V. Tokareva. - Text : direct // Young scientist. — 2016. — No 14 (118). — PP. 671-673. Available at: <https://moluch.ru/archive/118/32772/> (accessed 11/13/2021). (In Russ.)
17. What the German poet Rainer Maria Rilke was looking for in Russia. Rossiyskaya Gazeta. Available at: <https://rg.ru/2019/04/09/chto-iskal-v-rossii-nemeckij-poet-rajner-mariia-rilke.html/> (accessed 17.11.2021). (In Russ.)
18. University of Toronto - Academic Electronic Journal in Slavic Studies. Available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/02/azadovskij.shtml/> (accessed 11/15/2021).

IMAGE OF "FOREIGN HOMELAND" IN RAINER RILKE'S AND MARINA TSVETAeva'S POETRY

VASILEVA
Svetlana

Associate Professor of the Department of Germanic Philology and Scandinavistics, Petrozavodsk State University, Institute of Philology, Petrozavodsk, Russian Federation, milorada07@mail.ru

AMELINA
Anastasiia

Master degree candidate, Petrozavodsk State University, Institute of Philology, Petrozavodsk, Russian Federation, anilema777@yandex.ru

Keywords:

homeland
adaptation process
dialogue of cultures
poetry
Rilke
Tsvetaeva
Russia
Germany

Summary:

The article deals with the image of a "foreign homeland" illustrated by the example of the poetic heritage of Rainer Rilke and Marina Tsvetaeva. The the concept of "homeland" is defined, and the features of the adaptation process in a new cultural and social environment are identified. The attitude of both poets to their homeland are studied via the analysis of their poetry. Rilke and Tsvetaeva were the representatives of different mentalities, who were not only interested in German and Russian cultures, respectively, but also considered themselves part of them. The authors of the article came to the conclusion that the understanding of the homeland is connected not only with its elevation, but also with the acceptance of all realities, both positive and negative, in the context of time, as well as the social, cultural and political situation. Rilke's and Tsvetaeva's perception of their "spiritual homeland" was one-sided and focused only on the positive perception, since the poets "poetized" Russia and Germany not paying attention to reality. Thus, it can be said that the poets failed to fully comprehend their contradictory "spiritual homelands", which were in the very center of the social chaos and social upheavals of the early XX century.

УДК 314

РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ОБ ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В АРКТИЧЕСКОЙ КАРЕЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ В ИЮНЕ 2021 ГОДА)

**КОНЕВ
ИВАН
ПЕТРОВИЧ**

*Кандидат экономических наук,
Доцент кафедры экономики, управления
производством и государственного и
муниципального управления,
Петрозаводский государственный университет,
Институт экономики и права,
Петрозаводск, Российская Федерация,
konev@petrsu.ru*

**МАСЛЕННИКОВ
ДЕНИС
НИКОЛАЕВИЧ**

*Студент,
Петрозаводский государственный университет,
Институт экономики и права,
Петрозаводск, Российская Федерация, iel@petrsu.ru*

Ключевые слова:

сохранение человеческого капитала
социологические опросы
роль национальных проектов
приоритетные методы исследований
инфраструктура человеческого
капитала

Аннотация:

В данной статье исследуются результаты социологических опросов местного населения Калевальского национального района для оценки современного понимания тенденций сохранения и развития человеческого капитала. Необходимость актуализации данных понятий непосредственно связана с продолжением государственной социальной политики в сфере образования, здравоохранения, демографии, социальной инфраструктуры и высокопроизводительных рабочих мест на основе массовой цифровизации российской экономики в рамках национальных проектов 2019–2024 годов. Отдельные результаты внесены в текст статьи в качестве примеров точки зрения авторов.

© 2021 Петрозаводский государственный университет

Получена: 26 декабря 2021 года

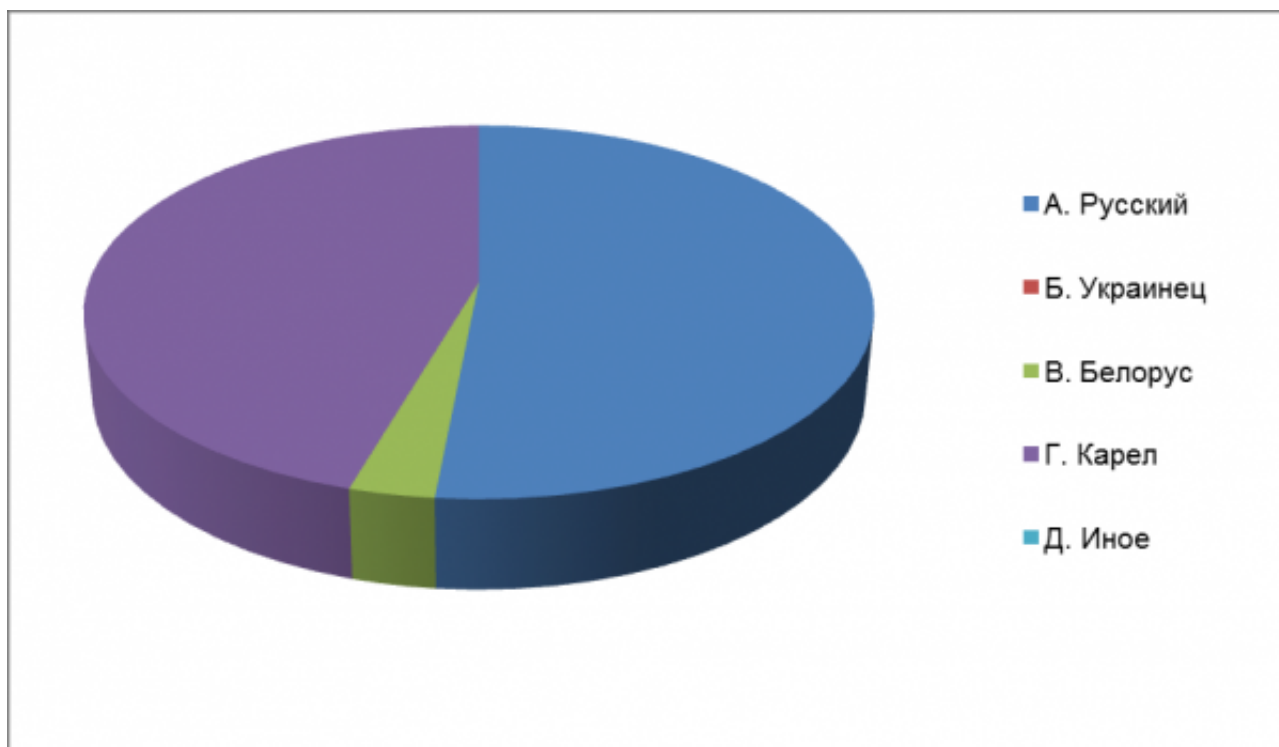
Опубликована: 26 декабря 2021 года

В рамках приоритетов стратегического развития учеными ПетрГУ осуществляется исследовательская работа в команде специалистов разных кафедр по теме «Способы сохранения человеческого капитала в Калевальском национальном районе – арктической зоне Карелии» в контексте гуманитарной методологии. Комплексная экспедиция гуманитарного парка «Калевальский край: традиции и современность» проходила в основных населенных пунктах Калевальского района: Калевала, Юшкозеро, Войница, Боровой, Кепа, Вокनावолок 6–12 июня 2021 года и решала следующую задачу:

Проведение социологического опроса и факторного анализа по темам: «Самооценка материального и финансового положения жителей Калевальского района», «Влияние туризма на социально-экономическую реальность Калевальского района», «Отношение жителей Калевальского района к семейным ценностям», «Влияние северных широт на состояние здоровья жителей Калевальского района», «Ценностные предпочтения жителей Калевальского района».

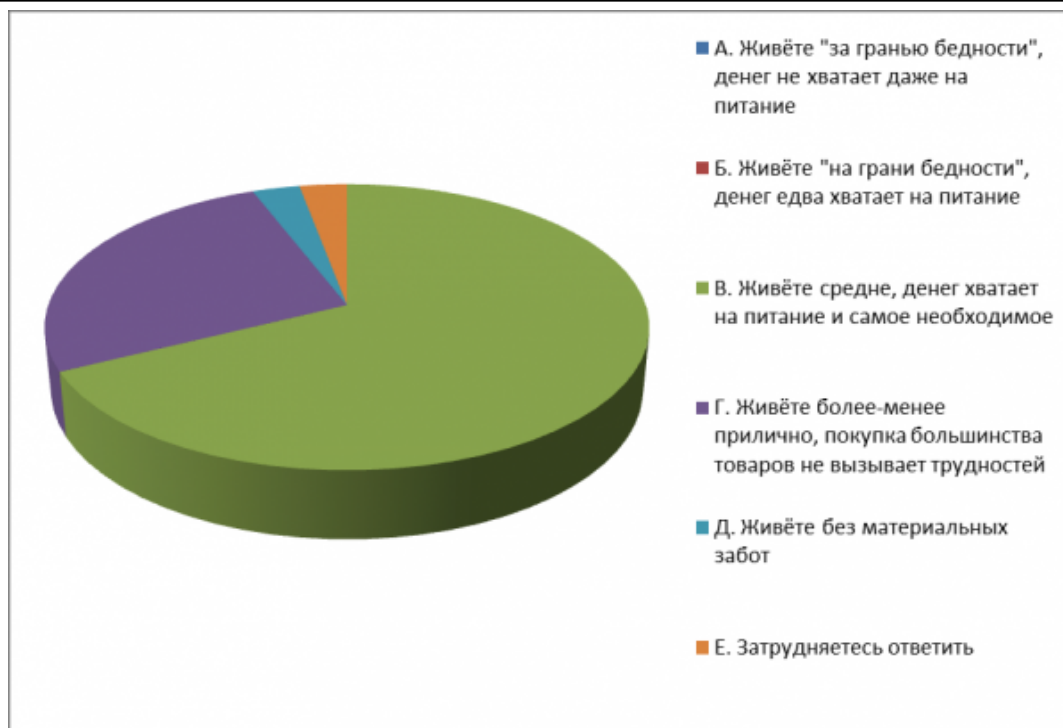
Актуализация данной темы вытекает из приоритетных национальных проектов РФ, определяющих социально-экономическое развитие на многие годы вперед. В частности, в условиях рыночной экономики категория стоимость национального (регионального) человеческого капитала наряду со стоимостью природного и производственного капитала становится приоритетом в большинстве развитых стран и в объеме общих инвестиций теперь уже составляет более 40 %. В связи с этим экспертами определен на последующее десятилетие потенциал роста ВВП (валового внутреннего продукта), когда вклад на 1 % в человеческий капитал будет обеспечивать не менее 3,8 % роста производительности труда. Таким образом, планируемые вложения государства до 2024 года через национальные проекты РФ в сумме 25,7 трлн рублей, прежде всего, направлены на сохранение и развитие человеческого капитала в сумме 5,7 трлн рублей, а также для обеспечения комфортной среды для жизни (неживой человеческий капитал) – 9,9 трлн рублей [1].

Авторы провели социологические исследования в течение рабочей недели с 6 по 12 июня 2021 года в одном из районов «условно депрессивного состояния», относящихся к территориям Арктической Карелии (Калевальский район), которые в будущем будут активно осваивать финансы национальных и региональных проектов в сохранении и развитии человеческого капитала. Опросу в качестве респондентов подверглись 39 человек из 1267 занятых на данной территории и обладающие следующими приоритетами в развитии своего личного (индивидуального) человеческого капитала (см. диаграммы). Не случайно вопрос о национальной принадлежности подтвердил статус Калевальского района как национального, т. к. основную часть населения составляют русские и карелы, также небольшую часть населения составляют белорусы.

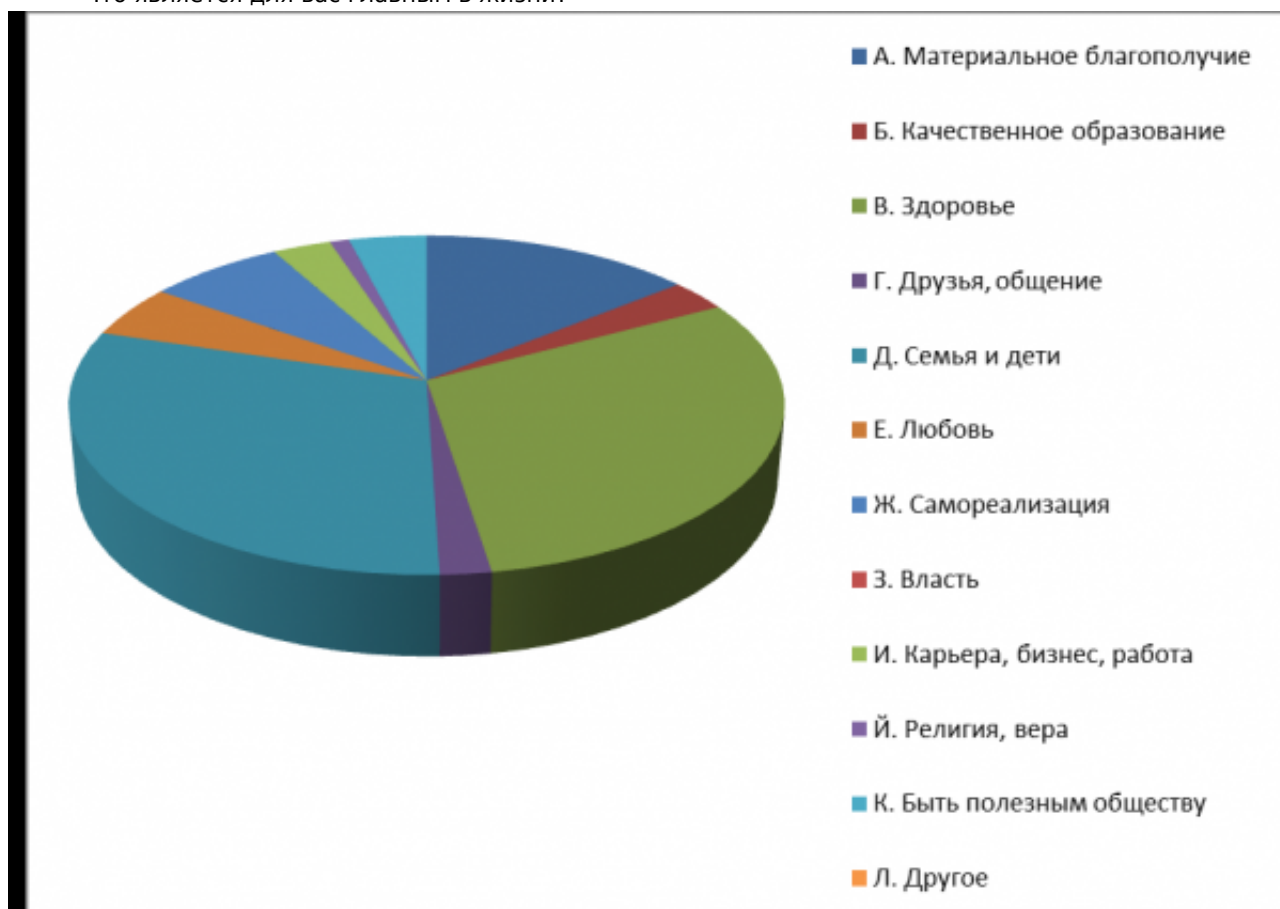
Вопросы о материальном положении и приоритетах в развитии личного капитала тоже достаточно убедительны.

Как вы оцениваете свое материальное положение?

Население имеет средние доходы, которых хватает на самое необходимое. Примерно четверть населения имеет доходы выше среднего.

Что является для вас главным в жизни?

Самыми важными пунктами стали «Здоровье» и «Семья и дети», при этом был отмечен пункт

«Материальное благополучие», исходя из чего можно сделать вывод о желании населения увеличить свои доходы.

Скажите, как вы относитесь к своей трудовой деятельности?

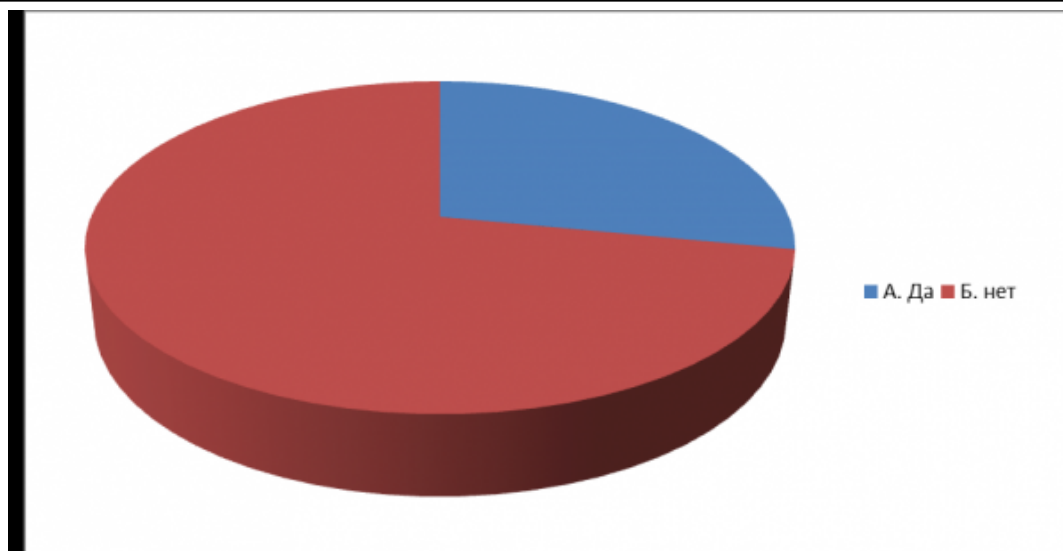
Несмотря на то, что многими был выбран вариант «Мне нравится моя работа и доход», многие зачеркивали слово «доход» и указывали, что работа им нравится, но их категорически не устраивает заработная плата.

Какие, на Ваш взгляд, сферы являются наиболее перспективными для работы молодых людей?

Самыми перспективными сферами считают «Промышленность», «Новейшие технологии» и «Строительство».

Является ли для Вас актуальной проблема жилья?

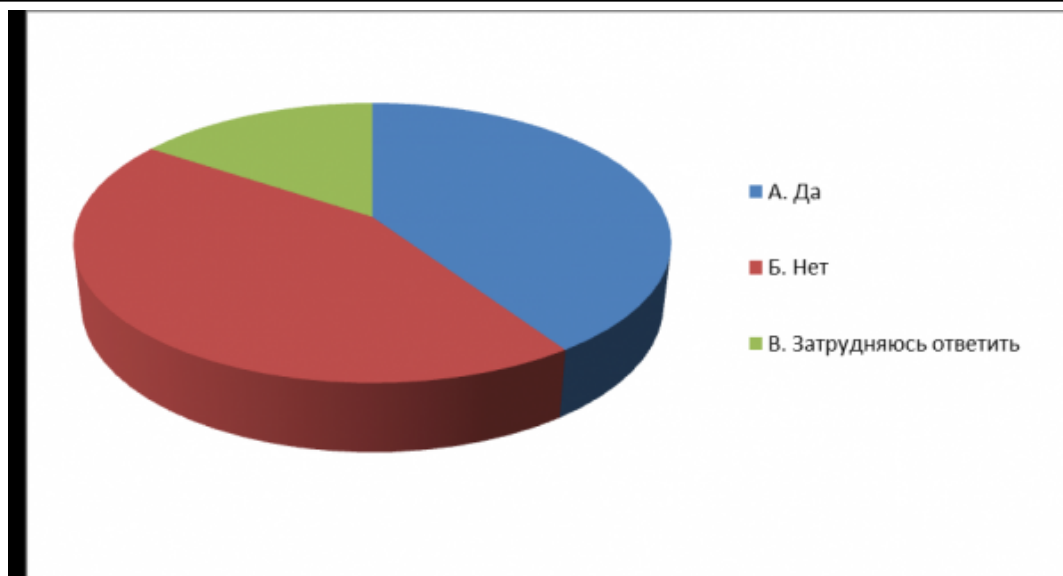
Более чем для четверти опрошенных проблема жилья является важной, что говорит о существующих проблемах жилого фонда.

Укажите, пожалуйста, условия Вашего проживания.

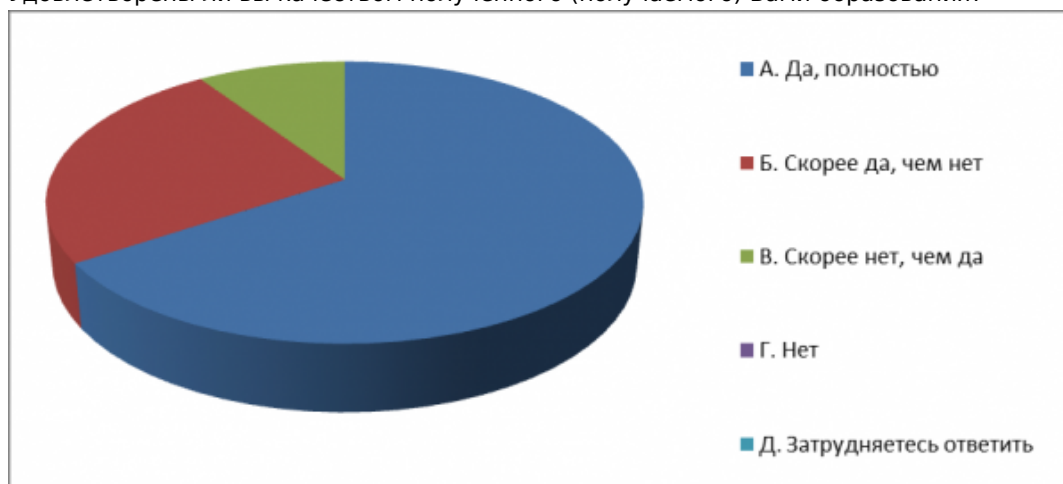
Больше половины населения имеет благоустроенное жилье, но при этом 17 % населения проживают в неблагоустроенном жилье.

Намерены ли Вы в ближайшие 2 года заняться улучшением своих жилищных условий?

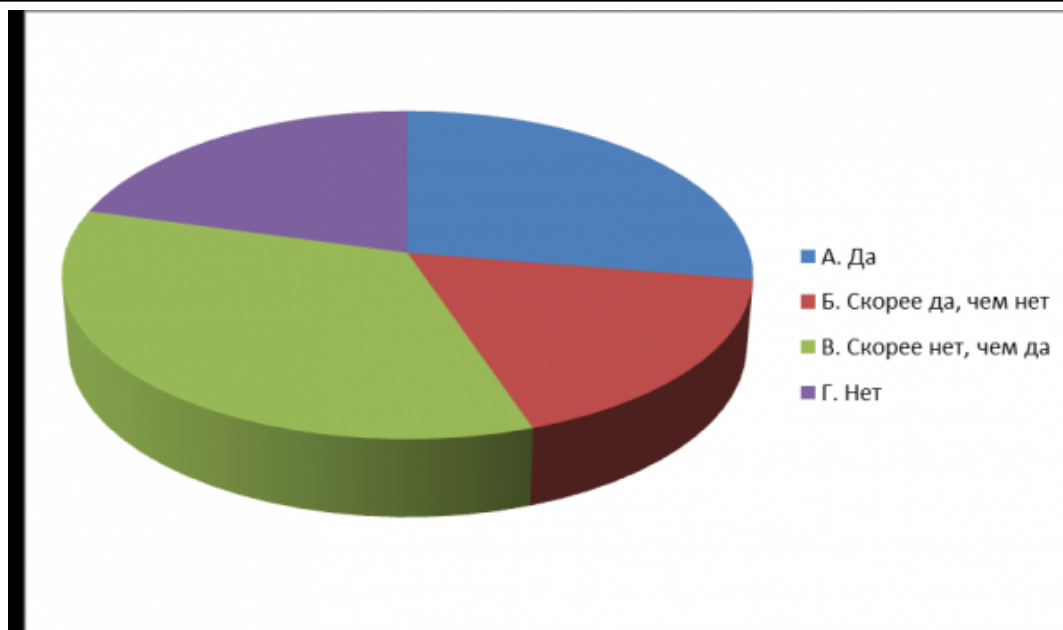
Половина опрошенных, проживающих в неблагоустроенном жилье, не планирует улучшать свои жилищные условия, а это, в основном, люди, находящиеся на пенсии. Жители в возрасте от 22 до 55 выразили уверенность в решении улучшить свои жилищные условия.

Удовлетворены ли вы качеством полученного (получаемого) Вами образования?

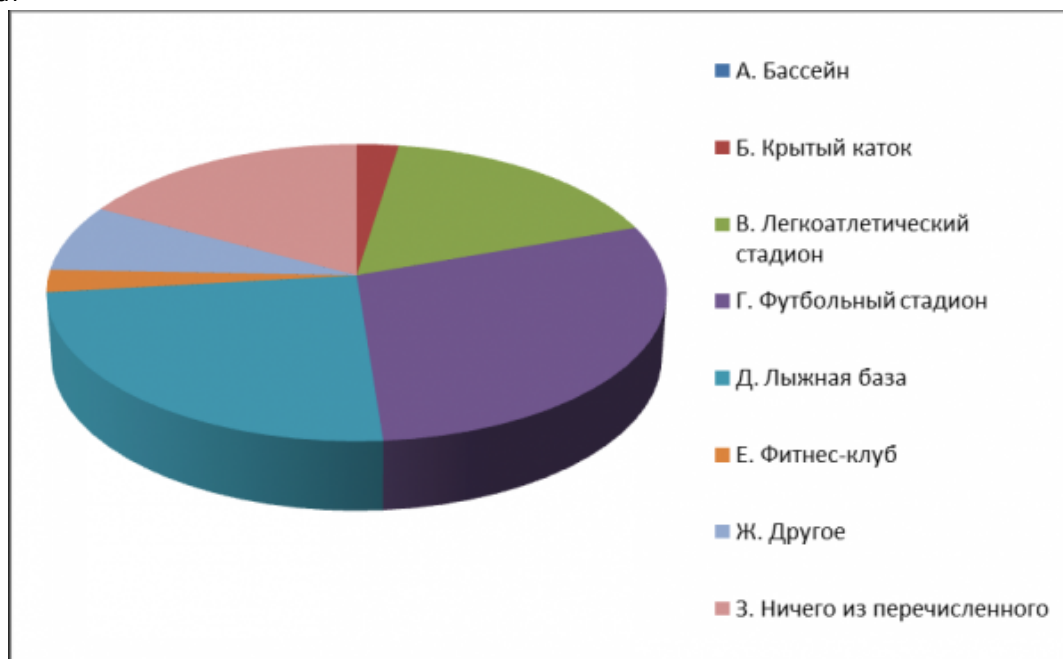
Большинство населения полностью удовлетворено качеством полученного образования, в меньшей степени удовлетворены качеством образования молодые.

Удовлетворены ли Вы наличием в Вашем населенном пункте объектов для занятия физкультурой и спортом?

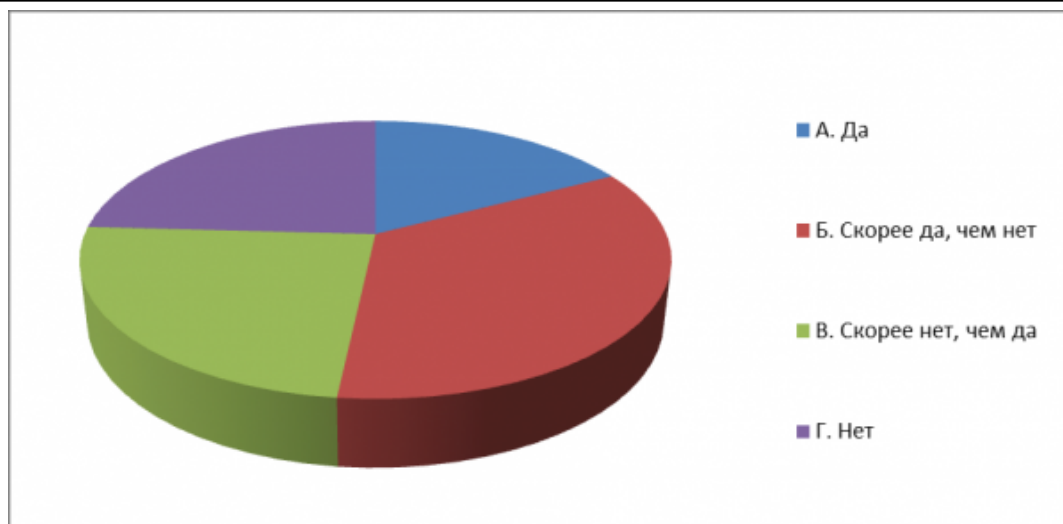
Две трети населения неудовлетворены или почти неудовлетворены обеспеченностью населенного пункта спортивными объектами. Большая часть удовлетворенных жителей была из одного населенного пункта. При этом неудовлетворено в равной степени как старшее, так и младшее поколение.

Какие спортивные объекты расположены на территории или недалеко от Вашего населенного пункта?

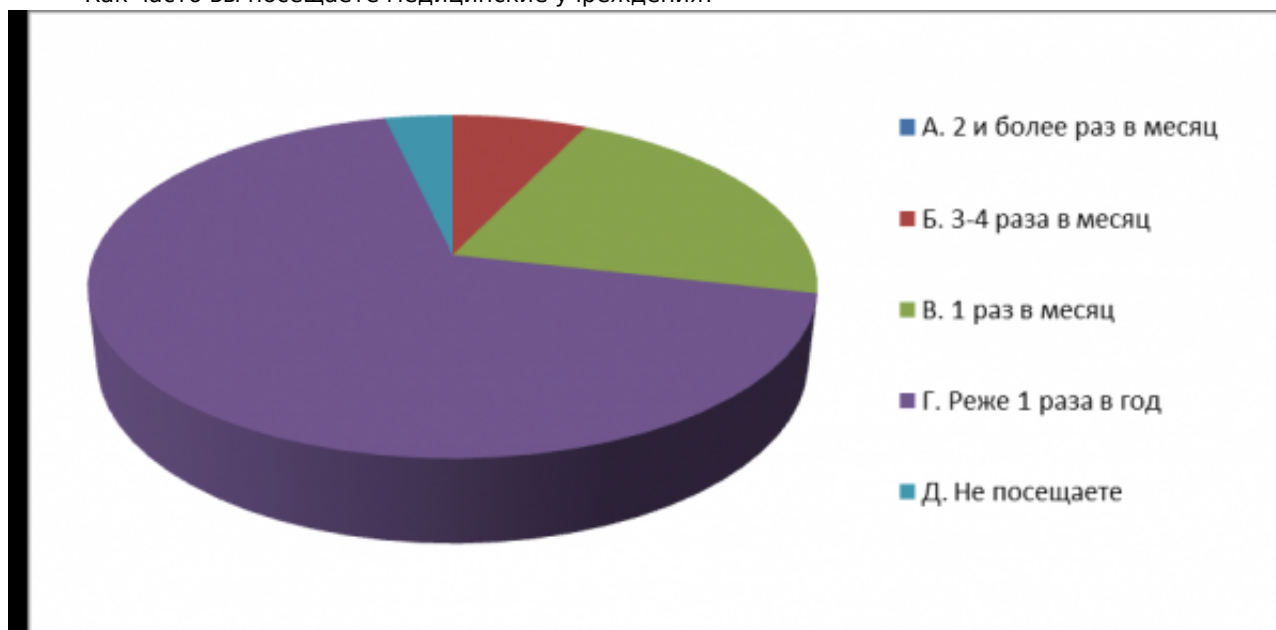
Самыми распространенными объектами стали: лыжная база и футбольный стадион. Остальные спортивные объекты встречаются редко или вообще отсутствуют.

Удовлетворены ли Вы наличием в Вашем населенном пункте медицинских учреждений и их обеспечением?

Чуть более половины населения сравнительно устраивает наличие медицинских учреждений и их обеспеченность. Неудовлетворены медицинскими учреждениями, в основном, люди в возрасте от 26 до 55 лет.

Как часто вы посещаете медицинские учреждения?

В основном население посещает медицинские учреждения реже 1 раза в год. Чаше посещает только население пенсионного возраста.

Как Вы обычно проводите Ваше свободное время?

Две трети населения тратит свободное время на проведение времени с семьей или на активный отдых в виде охоты, рыбалки и туризма.

В итоге можно дать экспертную оценку, что у местного населения Калевальского района сегодня ярко выражены проблемы, которые типичны для проблем небольших населенных пунктов. Это отсутствие спортивной инфраструктуры, не самое качественное медицинское обслуживание, очень скромные перспективы для молодежи, доходы большинства населения чуть выше среднего, ввиду небольшого достатка – распространенность вредных привычек. Большинство населения работает на государственных предприятиях, очень мало частных предпринимателей. При этом можно отметить, что государственные программы по поддержанию небольших населенных пунктов работают исправно и действительно приносят пользу. Вполне вероятно, что после причисления района к Арктической зоне доходы населения увеличатся. Экологических проблем в районе не наблюдается.

Для подтверждения положительных перемен в развитии человеческого капитала национального района было проведено интервью с руководством администрации района и выявлены следующие позитивные перемены.

В рамках реализации регионального проекта «Современная школа» в Калевальском муниципальном районе на базе МБОУ «Калевальская средняя общеобразовательная школа» создан центр образования цифрового и гуманитарного профилей «Точка роста». Открытие центра произошло 29 сентября 2020 года на Всероссийском марафоне открытий центров «Точка роста», который провел Министр просвещения РФ Сергей Кравцов. Количество обучающихся, которые занимаются в 2020–2021 году в центре, составляет 40 человек постоянного состава. Пройдено лицензирование программ дополнительного образования детей и взрослых. В центре «Точка роста» реализуются дополнительные общеобразовательные общеразвивающие программы:

- «Основы сайтостроения»,
- «Шахматы – школе»,
- «Современная мастерская».

Пять педагогов центра прошли повышение квалификации по разным программам. В формате дистанционного обучения занятия проводятся в группах в социальной сети «В контакте». Помимо работы кружков, в центре «Точка роста» проводятся уроки информатики, математики, географии, технологии и ОБЖ, экскурсии, мастер-классы. Для онлайн-уроков используется платформа Zoom. В 2021 году центр образования естественнонаучной и технологической направленности «Точка роста» создан в МБОУ Боровская средняя общеобразовательная школа».

Региональный проект «Поддержка семей, имеющих детей». Целью проекта является создание условий, направленных на повышение компетентности родителей в области воспитания детей путем расширения доступности получения услуги психолого-педагогической, методической и консультативной помощи родителям (законным представителям) детей в соответствии с их индивидуальными потребностями. В Калевальском районе услуги психолого-педагогической, методической и консультативной помощи родителям оказывает ГБУ СО РК «Центр помощи детям, оставшимся без

попечения родителей, № 3», в настоящее время также идет работа в «Школе приемных родителей»; консультирование родителей ведет психолог в МБОУ Калевальская средняя общеобразовательная школа, социальные педагоги. Но вместе с тем на территории Калевальского муниципального района отсутствуют центры психолого-педагогической, методической и консультативной помощи родителям.

Национальный проект «Демография». Задача: создание в Республике Карелия дополнительных мест для детей в возрасте до 3 лет в образовательных организациях и у индивидуальных предпринимателей, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотру и уходу. Результат регионального проекта – это создание не менее 1600 дополнительных мест для детей в возрасте от 1,5 до 3 лет в образовательных организациях Республики Карелия, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, в срок до 31 декабря 2021 года; создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до 3 лет. Заключенным соглашением предусмотрена 100 %-ая доступность дошкольного образования для детей в возрасте от 1,5 лет до 3. В Калевальском районе отсутствует очередь в детские сады. Решается вопрос о строительстве детского сада на 300 мест в поселке Калевала.

Региональный проект «Социальная активность». Задача проекта: развитие добровольчества (волонтерства), развитие талантов и способностей у детей и молодежи, в т. ч. студентов, путем поддержки общественных инициатив и проектов, вовлечения в добровольческую деятельность. В рамках проекта созданы волонтерские отряды в МБОУ Калевальская средняя общеобразовательная школа, МБОУ Боровская средняя общеобразовательная школа, МБОУ Кепская основная общеобразовательная школа. Численность обучающихся, задействованных в волонтерской деятельности, – 66 человек.

Комфортная городская среда. На территории Калевальского городского поселения в 2021 году Администрацией Калевальского муниципального района разработана и утверждена постановлением от 30 октября 2020 года № 441 программа «Формирование современной городской среды на территории Калевальского городского поселения на 2018–2024 годы». Общая сумма, предусмотренная на выполнение мероприятий данной программы на 2021 год, составляет 1150,4 тыс. рублей, в т. ч. средства Федерального бюджета – 1074,4 тыс. рублей, средства бюджета Республики Карелия – 10,9 тыс. рублей, средства бюджета муниципального образования «Калевальский национальный район» – 65,1 тыс. рублей. Информация в системе ГИС ЖКХ размещается по мере поступления информации. На 2021 год в программу вошли мероприятия: обустройство двух дворовых территорий (п. Калевала: ул. Полевая, 14 и ул. Советская, 34А) и одной общественной территории (береговая полоса по ул. Вяйнямейнена).

Национальный проект «Здравоохранение». Национальный проект «Здоровье» в лечебно-профилактических учреждениях Калевальского района выполняется в соответствии с нормативными документами. Услуги здравоохранения предоставляет государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Калевальская центральная районная больница». Сеть здравоохранения района включает в себя:

- центральную районную больницу на 41 стационарных койки (из них 16 коек сестринского ухода), 9 коек дневного стационара;
- 2 поликлиники – в п. Боровой и в п. Калевала;
- 5 фельдшерско-акушерских пунктов;
- 2 отделения скорой медицинской помощи в составе больницы;
- 1 домовое хозяйство (д. Войница).

Калевальская ЦРБ является центром оказания медицинской помощи Лоухскому району (Пяозерский, Софпорог, Тунгозеро). В рамках реализации регионального проекта Республики Карелия «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения» в ТОО «Боровская больница» все рабочие места оборудованы компьютерами и подключены к системе «Промед». Обеспеченность кадрами по состоянию на 15.01.2021 в ГБУЗ «Калевальская ЦРБ»: предусмотрено 226,25 штатные единицы, из них занято 208,75. Численность работников ГБУЗ «Калевальская ЦРБ» составляет 180 человек, из них: врачи – 20 человек, средний медицинский персонал – 71 человек, 1 биолог.

В ГБУЗ «Калевальская ЦРБ» укомплектованность врачами составляет 76,9 %, средним медицинским персоналом – 67,5 %. Коэффициент совместительства: врачи – 1,2; средний медицинский персонал – 1,3 %. Более 45 % врачей и более 60 % специалистов со средним медицинским образованием – пенсионного возраста, что усугубляет нестабильную кадровую ситуацию учреждения.

В структуре учреждения функционируют 5 фельдшерско-акушерских пунктов (далее – ФАП) в поселках Куусниemi, Кепа, Новое Юшкозеро, Луусалми и д. Юшкозеро. Для привлечения медицинских работников предусмотрены единовременные компенсационные выплаты в рамках ведомственной целевой программы «Обеспечение государственной системы здравоохранения Республики Карелия медицинскими кадрами». Предусмотрена единовременная компенсационная выплата в размере 1 млн рублей при замещении вакансии врача-терапевта, а также предоставляется служебное или муниципальное жилье. В рамках ведомственной целевой программы «Обеспечение системы здравоохранения Республики Карелия квалифицированными медицинскими кадрами» были предоставлены выплаты 2 врачам-специалистам (врач-педиатр участковый, врач-эндоскопист). Кроме того, в рамках ведомственной целевой программы в 2020 году были предоставлены следующие меры социальной поддержки: компенсация найма жилья, компенсация коммунальных услуг.

Администрация учреждения участвует в ярмарках вакансий, проводимых ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет», АОУ СПО «Петрозаводский базовый медицинский колледж» и другими образовательными учреждениями. Список вакансий учреждения опубликован на сайтах больницы и Минздрава Карелии, а также направлен в образовательные учреждения. В Калевальской средней школе и Боровской средней школе проводятся встречи с учащимися «Путь в профессию».

В качестве вывода следует отметить, что социально-экономическое развитие страны в новых условиях предусматривает изменение методологии государственного управления сохранением и развитием человеческого капитала. Устойчивое приращение ВВП свидетельствует об экономическом росте, когда улучшение качеств человеческого капитала работников за счет инвестирования дополнительных средств в его приращение во многом способствует поддержанию высокого уровня социально-экономического развития общества. Изложенное свидетельствует о необходимости систематизации имеющихся знаний и приращении новых в отношении важнейшего фактора экономического роста в форме человеческого капитала. Современные научные подходы способствуют выявлению новых характерных признаков человеческого капитала и его производных понятий, формирование эффективной системы управления в этой новой области знаний, позволяющей решать важнейшие задачи роста благосостояния конкретных людей, как на макро-, так и на микроуровне за счет самореализации человеческого потенциала и всемерной поддержки социального государства.

В соответствии с социальным портретом основной части респондентов можно наблюдать стремление большинства населения к реализации своего индивидуального (личного) капитала, когда рост благосостояния связывают с собственными усилиями в сфере образования, причем с ориентацией на новые технологии, здоровый образ жизни и семейные ценности. Таким образом, можно констатировать готовность большинства населения к сохранению своего человеческого капитала и благоприятное восприятие Национальных проектов РФ на период 2020–2024 годов как инструментов развития регионального и национального человеческого капитала, как форму обеспечения конкурентоспособности на глобальном рынке компетенций [2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Президент России / Президент подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» -URL- <http://kremlin.ru/> - (дата обращения 31.10.2021)
2. Конев И. П. ОСОБЕННОСТИ СОХРАЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В АРКТИЧЕСКОЙ КАРЕЛИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ В ИЮНЕ 2019 ГОДА. Коллективная монография. Изд-во ПетрГУ, 2020, 152с.
3. Результаты социологически опросов по анкете, разработанной доцентом ПетрГУ И. П. Коневым.

REFERENCES

1. Official website of the President of Russia // The President signed a Decree "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024" URL- <http://kremlin.ru/> - (accessed 31.10.2021) (In Russ.)
2. Konev I.P. Features of the preservation and development of human capital in Arctic Karelia (based on the materials of the expedition in June 2019) // Karelia through the eyes of scientists: the main results of the

КОНЕВ И. П. , Масленников Д. Н. РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ОБ ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В АРКТИЧЕСКОЙ КАРЕЛИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ В ИЮНЕ 2021 ГОДА) // *Studia Humanitatis Borealis*. 2021. № 4. С. 42-53.

expedition activity - 2019 [Electronic resource] : Materials of the republican scientific conference with international participation. PetrSU Publishing House, 2020, pp. 44-57. (In Russ.)

3. The results of sociological surveys based on a questionnaire developed by Associate Professor of PetrSU I.P.Konev.

RESULTS OF SOCIOLOGICAL SURVEYS AMONG LOCAL POPULATION FOCUSING ON SPECIFIC PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL IN ARCTIC KARELIA (BASED ON THE MATERIALS OF THE EXPEDITION IN JUNE 2021)

**KONEV
Ivan**

*Candidate of economic sciences,
Associate Professor of the Department of Economics,
Production Management and State and Municipal
Management,
Petrozavodsk State University, Institute of Economics
and Law,
Petrozavodsk, Russian Federation, konev@petsu.ru*

**MASLENNIKOV
Denis**

*Student,
Petrozavodsk State University, Institute of Economics
and Law,
Petrozavodsk, Russian Federation, iel@petsu.ru*

Keywords:

human capital preservation
sociological surveys
role of national projects
priority research methods
human capital infrastructure

Summary:

The article examines the results of the sociological surveys among the local population of the Kalevala National District aimed at assessing the current understanding of trends in the preservation and development of human capital. The need to update these concepts is directly related to the continuation of the state social policy in the field of education, healthcare, demography, social infrastructure, and high-performance jobs based on the mass digitalization of the Russian economy within the framework of national projects between 2019 and 2024. Some of the results are included in the context of the article as the examples of the author's point of view.

Карелия глазами ученых: основные результаты экспедиционной деятельности – 2021

**МАЛЫШКО
АНТОН
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

*специалист отдела подготовки и аттестации НПП
УНИ,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Российская Федерация,
antonmalyshko@yandex.ru*

© 2021 Петрозаводский государственный университет

Получена: 26 декабря 2021 года

Опубликована: 26 декабря 2021 года

Карелия глазами ученых: основные результаты экспедиционной деятельности – 2021

8 декабря состоялась республиканская научная конференция с международным участием «Карелия глазами ученых: основные результаты экспедиционной деятельности – 2021».

Конференция организуется с 2019 года сотрудниками Гуманитарного инновационного парка ПетрГУ. Участниками конференции в 2021 году стали более 50 человек. Это представители ПетрГУ, Карельского научного центра РАН, столичных вузов, общественных организаций ближнего зарубежья.

Открыл пленарное заседание проректор по научно-исследовательской работе ПетрГУ В. С. Сютнев. Обратившись с приветственным словом к участникам конференции, он подчеркнул ее высокую значимость для региона и университета, предложил идеи для развития, пожелал докладчикам успешных выступлений, а также поблагодарил организаторов за их труд.

В адрес участников также прозвучало приветствие от И. М. Суворовой, директора Гуманитарного инновационного парка ПетрГУ. Главный организатор конференции, она рассказала об истории ее появления, кратко представила основные научные экспедиции 2021 года, а также поблагодарила людей, оказавших содействие в подготовке конференции и в ходе научных экспедиций. В завершение своего выступления И. М. Суворова представила планируемые секции и их руководителей, рассказала о географии конференции.

Всего в ходе пленарного заседания было заслушано 5 докладов. Совместное выступление И. А. Черняковой и О. В. Чернякова информировало слушателей об итогах реализованных докладчиками научных экспедиций и предлагаемых ими мерах по восстановлению карельских народных музеев. Доклад А. М. Жульникова был посвящен представлению новых данных об обмене янтарными украшениями на Севере Европы в IV–III тыс. до нашей эры. На основе научных экспедиций и изучения историографии историком была составлена карта обмена янтарем на Севере Европы в эпоху неолита. В завершающем пленарное заседание выступлении И. М. Суворова обратила внимание аудитории на значимость аксиологических исследований, рассказав о влиянии современной социокультурной ситуации на ценностные предпочтения жителей Карелии. Данное исследование явилось попыткой докладчика применить ценностный опросник Ш. Шварца к изучению аксиологических установок коренных малочисленных народов в Карелии. Лейтмотивом опубликованной по результатам анализа полученных данных научной публикации стали предложенные И. М. Суворовой рекомендации к совершенствованию методики опроса Ш. Шварца.

Работа секций конференции была организована по территориальному принципу – «Калевальский край», «Поморье и Арктика», «Карельские научные маршруты». Такой подход дал возможность создать дискуссию между учеными, изучающими одну территорию с использованием разных научных подходов, что позволило усилить междисциплинарный характер конференции.

В рамках конференции была подготовлена фотовыставка «Экспедиционные сюжеты ПетрГУ – 2021». Расположенная в фойе актового зала Главного корпуса, она раскрывала самые яркие моменты научно-исследовательской экспедиционной деятельности 2021 года. Кроме того, в 207 аудитории была открыта выставка студенческих работ «Не боги горшки обжигают...», выполненных по итогам проекта по изготовлению реплик древних керамических сосудов для Музея науки ПетрГУ. Руководителями проекта выступили кандидат исторических наук, археолог А. М. Жульников и специалист по керамике Е. Н. Бевз.

Karelia through the lens of scientists: the main results of expeditionary activities - 2021

**MALYSHKO
ANTON**

*Specialist department of Scientific Research,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russian Federation,
antonmalyshko@yandex.ru*